ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ МИНИСТРОМЪ ЮСТИЦІИ ВЪ ЗАСѢДАНІИ ВЕРХОВНАГО УГОЛОВНАГО СУДА 21-го СЕНТЯБРЯ 1866 ГОДА ПО ДѢЛУ О ПРЕСТУПНЫХЪ ЗАМЫСЛАХЪ ПРОТИВЪ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ И УСТАНОВЛЕННАГО ЗАКОНАМИ ОБРАЗА ПРАВЛЕНІЯ.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ оконченнаго судебнаго слѣдствія, которымъ обнаружены дѣянія, цѣль дѣяній, и нравственныя свойства подсудимыхъ, приступаю къ исполненію возложенной на меня закономъ обязанности: опредѣлить мѣру ихъ виновности и степень прикосновенности нѣкоторыхъ изъ нихъ къ преступному покушенію Дмитрія Каракозова на Священную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.— Преступленіе Каракозова, по свойству своему, представляется столь необъяснимымъ, скажу болѣе, немыслимымъ, что требуетъ подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ сопровождавшихъ оное обстоятельствъ и тщательнаго обсужденія тѣхъ заключающихся въ настоящемъ дѣлѣ указаній, которыя могутъ послужить разъясненіемъ причинъ, вызвавшихъ столь ужасное преступленіе. Только при подобной оцѣнкѣ всѣхъ обнаруженныхъ слѣдствіемъ данныхъ, возможно правильное разрѣшеніе представляющагося вопроса о дѣйствительныхъ свойствахъ преступленій, подлежащихъ нынѣ обсужденію.

Преступленіе Каракозова могло быть отдѣльнымъ проявленіемъ преступной воли одного лица; оно могло быть послѣдствіемъ глубокозадуманнаго нѣсколькими лицами преступнаго плана, исполнителемъ коего является Каракозовъ; или наконецъ это преступленіе могло быть вызвано особыми обстоятельствами, которыя, вліяя на личность Каракозова, побудили его дѣйствовать подъ ихъ впечатлѣніемъ.

Только правильная оцѣнка всѣхъ произведенныхъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ допросовъ и соображеніе ихъ съ свѣдѣніями, собранными розысканіями Высочайше учрежденной Слѣдственной Коммисіи, можетъ повести къ вѣрному разрѣшенію постановленныхъ мною вопросовъ. Правильная оцѣнка возможна только тогда, когда будутъ опредѣлены и настоящее значеніе и полная достовѣрность каждаго обнаруженнаго обстоятельства среди тѣхъ особенностей настоящаго дѣла, которыя выказывали свое вліяніе, какъ при самомъ преступномъ покушеніи Каракозова, такъ и во все время производства по оному слѣдствія.

Особенности эти заключаются въ той средѣ, въ которой вращался, образовался и изъ коей возникъ Каракозовъ: товарищи его принадлежали къ лицамъ, совращеннымъ преступными теоріями соціализма и коммунизма, и самъ онъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ заблужденія.

Посему изысканія, произведенныя по настоящему дѣлу, носятъ на себѣ характеръ слѣдствій о распространителяхъ законопротивныхъ теорій и вообще лицахъ, стремящихся къ достиженію тайныхъ цѣлей. Подобныя слѣдствія рѣдко доходятъ до окончательныхъ результатовъ пріобрѣтеніемъ доказательствъ фактическихъ; письменные документы также встрѣчаются въ нихъ рѣдко; наконецъ не бываетъ въ большей части случаевъ и свидѣтелей; и это не можетъ быть иначе, потому что лица, участвующія въ тайныхъ противоправительственныхъ замыслахъ или въ болѣе или менѣе правильно организованныхъ кружкахъ, имѣющихъ противозаконныя цѣли, боятся преслѣдованія и всегда держатся замкнуто.

Лица, замышляющія политическій переворотъ, или имѣющія опредѣленный планъ къ достиженію какой либо преступной цѣли, всегда тщательно скрываются и повѣряютъ замыслы и намѣренія свои только тѣмъ, которыя принадлежатъ къ ихъ кружку. Бываютъ случаи, что планы тайныхъ дѣятелей проникаютъ и къ лицамъ постороннимъ, но постороннимъ только потому, что они еще не члены главнаго сомкнутаго кружка, хотя и принадлежатъ къ послѣдователямъ того же ученія. Со всѣмъ тѣмъ, при тщательно произведенномъ слѣдствіи, открываются обстоятельства, которыя поставляютъ подозрѣваемыхъ, или обвиняемыхъ лицъ въ полную невозможность скрыть или правдоподобнымъ образомъ объяснить свои дѣянія, возбудившія преслѣдованіе, и наконецъ приводятъ ихъ къ необходимости полнаго или неполнаго сознанія и къ обнаруженію своихъ соучастниковъ.

Все это мы видимъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Главнѣйшими уликами, обнаруженными, какъ Высочайше учрежденною Слѣдственною Коммисіею, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ, противъ предстоящихъ подсудимыхъ, представляются преимущественно собственныя ихъ показанія. Эти показанія составляютъ въ то же время въ отношеніи прочихъ подсудимыхъ, какъ лицъ, принадлежащихъ къ одному кружку, взаимные оговоры.

За симъ встрѣчаются показанія свидѣтелей, заключающія въ себѣ всѣ тѣ условія, о которыхъ я только что упомянулъ. Ихъ обыкновенно опровергаютъ, говоря, что это показанія лицъ, свидѣтельствующихъ по слуху; но подобныя показанія, основанныя непосредственно на словахъ члена общества о своей и своихъ соумышленникахъ дѣятельности, никакъ не могутъ быть признаны свидѣтельствами, основанными на слухахъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ свойство и значеніе тѣхъ показаній, которыя должны служить основаніемъ къ опредѣленію степени виновности подсудимыхъ, стоящихъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, я перехожу къ разсмотрѣнію начала настоящаго дѣла, и того, что открыто Высочайше учрежденными въ Петербургѣ и Москвѣ Слѣдственными Коммисіями и судебнымъ слѣдствіемъ.

Началомъ настоящаго дѣла является преступленіе, не бывалое въ лѣтописяхъ нашего Отечества. Среди дня, при толпѣ народа, Каракозовъ дерзнулъ поднять свою преступную руку на Помазанника Божія, котораго вся жизнь посвящена заботамъ о благѣ ЕГО подданныхъ и благоденствіи Россіи. Извѣстіе о преступленіи Каракозова поразило ужасомъ всю Россію, и вмѣстѣ съ тѣмъ всенародная радость о спасеніи ГОСУДАРЯ заглушила мысль о той страшной опасности, отъ которой Россія столь чудесно избавлена Всемогущимъ Провидѣніемъ. Но кому изъ насъ не извѣстны тѣ толки, которые, вслѣдъ за совершеніемъ преступленія, и конечно не безъ участія лжеучителей, возникли въ низшихъ классахъ народа и угрожали кровавымъ истребленіемъ всѣмъ высшимъ сословіямъ.

При преступникѣ, кромѣ пистолета, выстрѣломъ изъ котораго онъ покушался на жизнь ГОСУДАРЯ, найдено три яда; въ карманѣ его оказалась писанная рукою его прокламація, въ которой онъ въ самыхъ преступныхъ выраженіяхъ порицалъ дѣйствія **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** и старался возбуждать народъ противъ Царской власти, противъ высшихъ сословій и противъ порядка управленія, указывалъ народу, что онъ, преступникъ, рѣшился пролить кровь за народъ, рѣшился погибнуть за него, и уговаривалъ народъ слѣдовать его примѣру и на будущее время самому расправляться, какъ съ своими Государями, такъ и съ лицами, ихъ окружающими, которыхъ онъ провозглашалъ главными виновниками народнаго бѣдствія. Сверхъ того у Каракозова найдено въ карманѣ письмо, адресованное къ неизвѣстному тогда Николаю Андреевичу, оказавшемуся въ послѣдствіи Ишутинымъ. Въ этомъ письмѣ говорится о пользѣ производимаго покушенія для акціонерныхъ компаній двухъ фирмъ; говорится тамъ, что онъ жертвуетъ собою для блага общаго, что жертва его принесетъ пользу предстоящей дѣятельности этихъ акціонерныхъ компаній.

Всѣ эти обстоятельства не могли не возбудить убѣжденія не только у Правительства, но и во всѣхъ сословіяхъ, что Каракозовъ дѣйствовалъ не одинъ.

Производство слѣдствія было поручено особой Высочайше учрежденной Коммисіи, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта, покойнаго Графа Михаила Николаевича Муравьева.

Совокупностью собранныхъ слѣдствіемъ доказательствъ обнаружена среда, въ которой вращался Каракозовъ, и тѣ причины, которыя послужили поводомъ къ его злодѣйскому покушенію. Лица, среди которыхъ вращался Каракозовъ, какъ я уже сказалъ, были люди, совращенные въ коммунизмъ и соціализмъ. Эти зловредныя ученія постепенно проникали въ наше Отечество, и въ послѣднее время, къ сожалѣнію, значительно распространились, преимущественно между учащеюся молодежью. Дѣйствія этихъ ученій подобны тѣмъ смертельнымъ ядамъ, которые незамѣтно проникаютъ въ организмъ и ведутъ его къ медленному, но вѣрному разрушенію. Въ нихъ заключается главная причина того нравственнаго растлѣнія, тѣхъ крайнихъ заблужденій, тѣхъ неопредѣленныхъ и непо-

пятныхъ стремленій, которыя мы видѣли въ лицахъ, стоящихъ въ настоящее время предъ судомъ.

Изъ числа ихъ самыми дѣятельными поборниками этихъ ученій представляются: сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николай Ишутинъ и дворяне Петръ Ермоловъ, Николай Странденъ, Дмитрій Юрасовъ и Максимиліанъ Загибаловъ (Ипатовцы, какъ ихъ въ послѣдствіи называли по жительству ихъ въ домѣ Ипатова).

Лица эти еще въ 1863 году начали помышлять о распространеніи соціальныхъ идей. Первоначальнымъ поприщемъ для своихъ дѣйствій они избрали Университетъ, гдѣ полагали между студентами порождать и развивать мысль о необходимости распространеніемъ соціальныхъ идей достигнуть революціи и преобразованія Государства на соціальныхъ началахъ. Въ этихъ видахъ была даже составлена особая прокламація, но она не была распространяема. Въ 1864 году дѣятельность названныхъ мною лицъ измѣнилась въ ея направленіи. Они нашли болѣе полезнымъ распространять свои идеи въ средѣ народа. Съ этою цѣлью они стали заводить подъ разными самыми благовидными предлогами различные кружки и ассоціаціи, которыхъ внѣшнее, наружное назначеніе было доставлять помощь и средства существованія нуждающимся или вѣрнѣе обеспечивать и правильнѣе распредѣлять производительные доходы рабочаго класса. Такимъ образомъ они устроиваютъ вспомогательную кассу, швейныя и переплетныя мастерскія, въ которыхъ всѣ участники, работая вмѣстѣ, получали въ вознагражденіе за трудъ весь выручаемый доходъ, и школы для безплатнаго обученія дѣтей изъ низшихъ сословій.—Въ этихъ заведеніяхъ подсудимые создаютъ себѣ обширное поле дѣятельности. Въ нихъ они входятъ въ сношеніе съ новыми лицами, привлекаемыми туда желаніемъ приносить пользу меньшей братіи, и между ними распространяютъ мысли о предполагаемой ими несостоятельности настоящаго Государственнаго устройства, о необходимости измѣненія существующаго порядка и преобразованія Государственнаго быта на новыхъ соціальныхъ началахъ.

Въ школѣ они развращаютъ подобными мыслями дѣтей. Подробное показаніе, сдѣланное Княземъ Черкезовымъ въ одномъ изъ засѣданій Верховнаго Уголовнаго Суда, обнаружило, какъ въ этихъ школахъ преподавались науки. Учитель ариѳметики писалъ на доскѣ въ присутствіи дѣтей 72 мильона и единицу и спрашивалъ, что больше, 72 м., или одинъ? ученики очень естественно отвѣчали, что 72 м. и тогда учитель продолжаетъ, что 72 м. это народъ, а одинъ—это ГОСУДАРЬ; кто же больше, народъ или ГОСУДАРЬ? очевидно, что отвѣчаютъ дѣти, ученики, на подобный вопросъ, и добившись отвѣта, котораго онъ ждалъ, учитель объясняетъ, что если народъ больше Царя, то онъ не долженъ повиноваться своему ГОСУДАРЮ, что ГОСУДАРЬ не долженъ властвовать надъ народомъ. Учитель естественной исторіи объясняетъ, что такое орелъ; это птица, говоритъ онъ, кровожадная, которая преслѣдуетъ и угнетаетъ всѣхъ остальныхъ птицъ и ягнятъ, и поэтому правительства, которыя

самою тяжелою и несправедливою рукою гнетутъ своихъ подданныхъ, имѣютъ въ своемъ гербѣ орла.

Излишне объяснять, какое могло быть послѣдствіе подобнаго обученія дѣтей. Излишне также опредѣлять свойства такихъ учителей и ихъ преступныхъ товарищей.

Продолжая постоянно расширять предѣлы своей дѣятельности, Ишутинъ и его товарищи озабочиваются дать ей твердыя правильныя формы и освятить ее разрѣшеніемъ Правительства. Они задумываютъ устроить общество съ самою благовидною цѣлью, которое Правительство не только не могло не допустить, но даже должно было поддерживать. Они составляютъ планъ подобнаго общества, которое должно было носить названіе «общества взаимнаго вспомоществованія», «переводчиковъ или переводчицъ», «издателей и издательницъ», и Ишутинъ постоянно заявляетъ, что необходимо испросить для этого общества утвержденіе Правительства. Но въ тоже время Ишутинъ составляетъ другой планъ—планъ образовать въ средѣ «общества взаимнаго вспомоществованія» другое—тайное общество, которое имѣло бы прямою, опредѣленною цѣлью: непосредственное осуществленіе тѣхъ преступныхъ мыслей, для подготовленія къ распространенію которыхъ служило «общество взаимнаго вспомоществованія». При планѣ Ишутина распространеніе этихъ мыслей въ «обществѣ взаимнаго вспомоществованія» должно было получить новое значеніе, оно должно было подготовлять будущихъ дѣятелей тайнаго общества.

Изъ показаній Дмитрія и Александра Ивановыхъ, Кичина, Малинина, Соболева, Борисова, Лапкина, Сергіевскаго, Полумордвинова и всѣхъ подсудимыхъ, товарищей Каракозова, мы видимъ, что съ Января мѣсяца настоящаго года собирались особыя сходки, на которыхъ разсматривался планъ Ишутина. Изъ употреблявшихся на этихъ сходкахъ выраженій: организовать дѣйствія общества, организировать общество, является и самое названіе того общества, которое должно быть организовано, а именно: «организація».—Въ теченіи Великаго поста опредѣляется вполнѣ планъ будущихъ дѣйствій организаціи. Изъ главныхъ дѣятелей должна быть образована въ Москвѣ центральная агентура. Прочіе члены должны отправиться по губернскимъ и главнымъ городамъ Россіи съ тѣмъ, чтобы составлять тамъ кружки и привлекать молодежь къ своимъ убѣжденіямъ. Изъ лицъ, которыя будутъ наиболѣе раздѣлять эти убѣжденія, они должны были выбирать, преимущественно изъ семинаристовъ, людей, способныхъ быть сельскими учителями, или занимать другія подобныя должности. Эти лица, занимая означенныя должности, должны въ средѣ сельскаго народонаселенія распространять тѣже самыя убѣжденія и подготовлять тѣмъ народъ къ задуманному государственному преобразованію на соціальныхъ началахъ. Лица, посылаемыя въ губерніи, называются губернскими членами; лица, посылаемыя въ сельское народонаселеніе, называются сельскими членами. Сельскіе члены должны находиться въ зависимости отъ губерн-

скихъ членовъ, которые въ свою очередь находятся въ полномъ повиновеніи центральной агентурѣ. Центральная агентура устроиваетъ въ Москвѣ библіотеку, которая продажею книгъ должна доставлять матеріальныя средства для дѣятельности общества и служить въ то же время мѣстомъ, гдѣ бы члены общества, знакомясь съ новыми лицами, могли находить новыхъ единомышленниковъ. Эта библіотека должна была также доставлять книги, по содержанію своему, конечно, соотвѣтствующія направленію общества, библіотекамъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ онѣ могли быть въ тѣхъ же видахъ основаны.

Деньги, нужныя для учрежденія Московской агентуры, для снабженія неимущихъ губернскихъ членовъ средствами, необходимыми для существованія въ губерніи и для устройства библіотеки, предоставляли обществу Ермоловъ, Юрасовъ и Загибаловъ. Ермоловъ жертвовалъ на это все свое состояніе, по оцѣнкѣ членовъ до 30 т. р. руб. сереб.

Здѣсь, чтобы яснѣе выразить характеръ учредителей общества организаціи и нравственное ихъ направленіе, я долженъ указать, что основаніемъ своей будущей дѣятельности они признавали правило: «цѣль оправдываетъ средства». Противъ этого правила на сходкахъ организаціи возражали только, что оно портитъ нравственность исполнителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускали всѣ основанныя на немъ предположенія.

Такимъ образомъ является предложеніе слушателю Петровской Академіи Сергіевскому поступить въ лакеи къ богатому купцу Серебрякову для того, чтобы обворовать его; Загибалову предлагаютъ получить мѣсто почталіона, чтобы воспользоваться тѣмъ временемъ, когда на почтѣ будутъ провозиться большія суммы денегъ и ограбить почту; наконецъ уговариваютъ Ѳедосѣева отравить его отца съ тѣмъ, чтобы деньги 100 т. руб. сер., которыя онъ долженъ былъ получить отъ отца въ наслѣдство, отдать въ пользу общества. На этихъ трехъ обстоятельствахъ нельзя не остановиться, собственно потому, чтобы показать до какой степени развращены въ душѣ эти лица, если они допускаютъ подобныя средства для доставленія нужныхъ обществу денежныхъ суммъ, до какой степени члены общества преданы цѣли его, если рѣшаются не только думать о подобныхъ преступленіяхъ, но даже покушаться на нихъ.

О цѣли организаціи даны весьма разнорѣчивыя показанія, какъ въ Высочайше учрежденныхъ Слѣдственныхъ Коммисіяхъ, такъ и при судебномъ слѣдствіи.

Имѣя въ виду, что степень виновности тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые были членами общества «организація», опредѣляется дѣйствительною цѣлью этого общества, я считаю долгомъ обратить на этотъ предметъ особое вниманіе Верховнаго Уголовнаго Суда и потому призналъ необходимымъ разсмотрѣть его самымъ подробнымъ образомъ.

Первоначально я обращусь къ письменнымъ объясненіямъ, даннымъ подсудимыми въ Слѣдственныхъ Коммисіяхъ:

По показанію Вячеслава Шаганова (Т. V л. 389, Т. VI л. 221) цѣлью общества «организація» должно было быть образованіе пропагандистовъ, возбужденіе народа путемъ соціальной пропаганды къ возстанію; а если возстаніе удастся, устройство экономическихъ отношеній на ассоціаціонныхъ принципахъ. Основаніемъ этого устройства должно было быть уничтоженіе частной поземельной собственности и раздѣленіе земли между различными земледѣльческими и промышленными ассоціаціями, которыя для своего образованія и поддержки получали бы ссуды изъ общественныхъ банковъ. Эту цѣль, по словамъ Шаганова, предполагалось достигнуть по меньшей мѣрѣ черезъ пятьдесятъ лѣтъ.

По показанію Николая Ишутина (Т. V л. 414) цѣлью общества должно было быть путемъ пропаганды соціалистическихъ идей приготовить народъ къ возстанію, и тогда предложить Правительству устроить Государство на соціалистическихъ началахъ, и если Правительство не согласилось бы, то произвести революцію, чтобы основать новое Правительство, которое въ своихъ дѣйствіяхъ держалось бы главнаго принципа общества, т. е. признаніе за каждымъ членомъ Государства права на извѣстную часть земли и общинное владѣніе остальною частью съ тѣмъ, чтобы доходы съ нея употреблялись только на общественныя и государственныя нужды и чтобы каждое лицо, занимающееся земледѣліемъ, получало содержаніе отъ Государства.

По показанію Максимиліана Загибалова (Т. VI л. 33) цѣлью общества должно было быть устройство Государства на соціалистическихъ началахъ.

По показанію Петра Ермолова (Т. V л. 314) цѣлью общества должно было быть произвести, посредствомъ пропаганды соціализма въ народѣ и примѣрами ассоціацій, согласіе народа организировать свой трудъ по правиламъ соціализма и тогда посредствомъ народа требовать у Правительства введенія соціализма, и въ случаѣ сопротивленія, революціоннымъ путемъ ввести соціализмъ.

По показанію Николая Страндена (Т. V л. 341) цѣлью общества должно было быть устройство Государства на соціальныхъ началахъ посредствомъ пропаганды идей соціализма въ народѣ, который и долженъ былъ требовать желаемой уступки отъ Правительства возстаніемъ или, если бы Правительство само дѣлало уступки, то мирнымъ путемъ.

По показанію Ореста Малинина (Т. V л. 299) цѣлью общества должно было быть образовать въ Москвѣ и провинціяхъ кружки изъ молодыхъ людей всякихъ сословій, пропагандировать среди ихъ соціалистическія ученія, связать эти кружки между собою и потомъ, когда это най-

дено будетъ нужнымъ, приступить къ революціи въ общественномъ и государственномъ устройствѣ.

По показанію Дмитрія Юрасова (Т. VI л. 88) цѣль, которую должно было имѣть общество, опредѣлялась различно разными существовавшими въ организаціи партіями: крайняя хотѣла произвесть революцію путемъ возбужденія и устной пропаганды, умѣренная желала дѣйствовать школами, ассоціаціями и распространеніемъ книгъ, объясняющихъ экономическія положенія; она имѣла въ виду тоже экономическій переворотъ и хотѣла идти путемъ болѣе медленнымъ, но вѣрнымъ.

По показанію Осипа Моткова (Т. VI л. 234) цѣлью общества должна была быть пропаганда экономически соціальнаго ученія.

По показанію Александра Иванова (Т. VI л. 140) цѣлью общества должно было быть произвести экономическую революцію.

По показанію Дмитрія Иванова (Т. VII л. 168) цѣлью общества должно было быть водвореніе соціализма въ Россіи посредствомъ революціи, которая должна была состоять въ томъ, чтобы захватить Верховную власть въ свои руки чрезъ цареубійство, возстановить народъ противъ всѣхъ помѣщиковъ и богачей прокламаціями, перерѣзать всѣхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ и водворить затѣмъ соціальное царство.

По показанію Федора Лапкина (Моск. д. л. 159) цѣлью общества должно было быть посредствомъ пропаганды развивать и распространять въ народѣ мысль, что помѣщики неправильно владѣли землею, что земля есть собственность народа и такимъ образомъ взбунтовать народъ, который, прійдя въ раздраженіе, истребитъ всѣхъ помѣщиковъ, а въ это время самимъ стараться вырвать власть изъ рукъ ГОСУДАРЯ, лишивъ жизни ЕГО и весь Царствующій Домъ.

По показанію Полумордвинова— цѣлью общества должно было быть ниспроверженіе существующаго государственнаго строя посредствомъ революціонной пропаганды.

Всѣ эти показанія написаны подсудимыми собственноручно.

Предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ нѣкоторые изъ членовъ организаціи, при допросѣ ихъ въ первый разъ, въ качествѣ свидѣтелей противъ ихъ товарищей—Ипатовцевъ, объяснили цѣль организаціи точно также, какъ они объясняли ее въ Слѣдственной Коммисіи; но на послѣдующихъ допросахъ, и въ особенности, когда они были допрошены въ качествѣ подсудимыхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, которые, какъ напримѣръ Дмитрій Ивановъ, во все время производства суда, остались вѣрны своимъ первоначальнымъ показаніямъ, они измѣнили свои отвѣты и наконецъ говорили, что организація имѣла цѣлью только составленіе кружковъ для распространенія соціальныхъ идей и устройства библіотекъ, школъ и ассоціацій.

Прочіе подсудимые, съ первыхъ же допросовъ, давали уклончивые отвѣты и вмѣсто откровеннаго объясненія цѣли организаціи, указывали, какъ на окончательную цѣль ея, на тѣ средства, которыми это общество предполагало достигнуть своей цѣли.

Этотъ способъ защиты очевидно не могъ имѣть успѣха; и если по недостатку откровенности со стороны подсудимыхъ, изъ ихъ показаній предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ нельзя извлечь подробнаго и полнаго отчета о цѣли и дѣйствіяхъ организаціи; тѣмъ не менѣе, по обстоятельствамъ, обнаруженнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, и изъ соображенія всѣхъ отвѣтовъ подсудимыхъ въ ихъ совокупности, можно съ точностью опредѣлить цѣль организаціи и свойство преступленія ея членовъ.

Всѣ показанія согласны въ томъ, что общество это имѣло цѣлью распространеніе и осуществленіе соціальныхъ идей въ нашемъ Отечествѣ; а достиженіе сего немыслимо безъ перемѣны образа правленія и всего государственнаго устройства.

Подсудимые не могли не сознавать этого и сознавали вполнѣ, какъ видно изъ приведенныхъ мною показаній ихъ въ Слѣдственной Коммисіи; но находясь предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, только весьма немногіе, какъ я уже сказалъ, настолько раскаялись въ преступныхъ замыслахъ, въ которыхъ приняли участіе, чтобы вполнѣ разоблачить свои намѣренія; прочіе надѣялись, что уклончивыми отвѣтами они могутъ избѣгнуть отвѣтственности.

Какое политическое устройство они предполагали дать Россіи, когда имъ удастся революціей ниспровергнуть Правительство и существующій порядокъ?—По низкой степени своего развитія, члены организаціи имѣли объ этомъ самое смутное понятіе; они сдѣлались врагами общества, и напитавшись совершенно неясными для нихъ соціалистическими толками, желали перемѣны существующаго порядка и желали этого отъ всей души.

Что оказывается далѣе изъ слѣдствія?

Въ началѣ 1865 года представители крайнихъ революціонныхъ стремленій въ Европѣ, образовали особый комитетъ, имѣющій цѣлью содѣйствовать успѣхамъ революціи во всѣхъ странахъ систематическимъ убійствомъ Царствующихъ Особъ и высокопоставленныхъ Правительственныхъ лицъ.

Существованіе этого комитета составляло глубокую тайну и было весьма мало лицъ, которыя о немъ знали. Извѣстіе о существованіи этого комитета, полученное нѣкоторыми членами организаціи въ Январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, производитъ рядъ обстоятельствъ, которыя составляютъ самую существенную сторону разсматриваемаго Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ дѣла.

Какъ и откуда было получено это извѣстіе?

Въ срединѣ 1865 года ѣздилъ за границу домашній учитель Иванъ Худяковъ. За границею онъ былъ въ сношеніяхъ съ русскими изгнанниками и по возвращеніи въ Петербургъ, сообщилъ Ишутину о существованіи Европейскаго комитета.

Передавая объ этомъ Ишутину, Худяковъ говорилъ ему, что отъ этого комитета Русскіе революціонеры всегда могутъ ожидать поддержку; въ то же время Худяковъ доказывалъ возможность произведенія въ Россіи революціи посредствомъ цареубійства, говорилъ Ишутину, что было бы полезно обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли революціонной партіи составить подобное же общество въ Москвѣ и наконецъ уговаривалъ его учредить такое общество.

Пріѣхавъ въ Москву, Ишутинъ передаетъ своимъ ближайшимъ товарищамъ извѣстіе, сообщенное ему Худяковымъ и положительно, какъ самъ на судебномъ слѣдствіи сознался, настаиваетъ на необходимости тотчасъ же опредѣлить цѣль организаціи и вообще революціонной партіи въ Россіи и обсудить вопросъ, не нужно ли устроить общество на подобіе Европейскаго комитета.—Внимательное изученіе слѣдствій, произведенныхъ Высочайше учрежденными Слѣдственными Коммисіями, привело меня къ тому убѣжденію, что предложеніе Ишутина имѣло послѣдствіемъ составленіе въ организаціи отдѣльнаго замкнутаго тайнаго кружка, который назывался «адомъ» и въ которомъ вполнѣ созрѣлъ замыселъ объ образованіи особаго общества на подобіе Европейскаго комитета и окончательно выработался планъ дѣйствій того лица, на обязанности котораго будетъ лежать совершеніе цареубійства.—При судебномъ слѣдствіи показанія подсудимыхъ были менѣе откровенны. Ихъ отвѣты напомнили мнѣ акты Слѣдственныхъ Коммисій, относящіеся къ тому времени, когда для объясненія преступленія ихъ товарища Дмитрія Каракозова, они ссылались на болѣзнь, на меланхолію, на нервную раздражительность, на желаніе его лишить себя жизни. Подобное объясненіе очевидно было несостоятельно. Не было никакой возможности доказывать, что человѣкъ, рѣшившійся на самоубійство, вмѣсто того, чтобы лишить себя жизни, рѣшился произвести покушеніе на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Наконецъ покушеніе было произведено при такихъ условіяхъ, которыя несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что преступникъ вполнѣ сознавалъ, что дѣлалъ.

Вскорѣ подсудимые сами убѣдились въ томъ, что подобнымъ объясненіямъ нельзя дать вѣры. По этому мало по малу, начиная съ самыхъ молодыхъ, они дѣлали болѣе и болѣе откровенныя сознанія.

При судебномъ слѣдствіи они измѣнили свои показанія. Они единогласно утверждаютъ, что тайный кружокъ «адъ» не существовалъ. Они объявляютъ, что о существованіи общества «адъ» узнали только въ Слѣдственныхъ Коммисіяхъ, они удивляются названію «адъ», и если нѣкоторые признаютъ его, то только какъ названіе шуточное. Однако вопросы, которые Г. Предсѣдатель и Г.г. Члены Верховнаго Уголовнаго Суда пред-

лагали подсудимымъ для обнаруженія истины, много разъяснили обстоятельства дѣла. Подсудимые признались, что въ слѣдствіе предложенія Ишутина объ устройствѣ въ Москвѣ особаго революціоннаго кружка на подобіе Европейскаго комитета, они имѣли между собою преступные разговоры о цареубійствѣ. По ихъ показаніямъ, при этихъ разговорахъ присутствовалъ Каракозовъ, заявлялъ свое сочувствіе предположенію содѣйствовать цареубійствомъ успѣху революціи и предлагалъ себя для исполненія сего преступленія.

Въ какой степени сочувствовали этому предложенію Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Мотковъ, Загибаловъ, Шагановъ, Николаевъ въ точности въ настоящее время опредѣлить нельзя. Всѣ они объясняютъ, что находили предложеніе Ишутина нелѣпымъ и говорятъ, что ни когда не соглашались на устройство подобнаго общества; но изъ ихъ показаній видно, что разговоровъ объ этомъ было много. Эти разговоры начались въ Январѣ и кончились около того времени, когда Каракозовъ совершилъ свое преступное покушеніе.—Въ этихъ разговорахъ составился планъ цареубійства, и въ нихъ явилась новая мысль, которой не было въ первоначальномъ предложеніи Ишутина, мысль присоединить къ обязанностямъ членовъ особаго кружка, который при слѣдствіи назывался «адомъ»—обязанности недопущеннаго большинствомъ членовъ «организаціи», особаго разряда членовъ, которые, нося названіе безсмертныхъ, должны были наблюдать за дѣйствіями прочихъ членовъ и казнить робкихъ или ослушниковъ смертью. Въ этихъ же разговорахъ было признано необходимымъ, чтобы лица, принадлежащія къ этому сомкнутому кружку, были неизвѣстны прочимъ членамъ «организаціи», такъ чтобы въ тайномъ обществѣ онъ составлялъ отдѣльный и еще болѣе тайный кружокъ. Наконецъ, какъ я уже сказалъ, въ этихъ же разговорахъ былъ составленъ слѣдующій планъ для совершенія цареубійства:

Народу слѣдовало объяснить, что цареубійство произведено высшимъ сословіемъ для того, чтобы не допустить **ГОСУДАРЯ** до предоставленія низшимъ сословіямъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыми они могли бы пользоваться.

Лице, которое должно было совершить цареубійство, обязано было отдалиться отъ своего кружка, перемѣнить фамилію, вести жизнь такую, чтобы навлечь на себя презрѣніе общества и вообще всѣхъ лицъ, могущихъ имѣть съ нимъ какія либо столкновенія. Для этого оно должно было ходить по кабакамъ, трактирамъ, предаваться пьянству и разврату и вообще дѣйствовать такъ, чтобы отвратить отъ себя всякую мысль о принадлежности къ какому либо тайному политическому обществу. За тѣмъ когда это лицо уже совершенно устранится отъ своего кружка, такъ что на кружокъ не можетъ пасть никакое подозрѣніе, оно должно было написать и распространить прокламацію, въ которой объяснить, для какой цѣли производится преступленіе, что долженъ думать объ немъ народъ и какъ ему слѣдуетъ за тѣмъ дѣйствовать. Послѣ того преступникъ дол-

женъ былъ запастись ядомъ, обезобразить свое лицо, чтобы не быть узнаннымъ, и принявши предварительно ядъ, совершить преступленіе при толпѣ народа, объявляя для чего преступленіе сдѣлано и что долженъ дѣлать дальше народъ.

Каракозовъ дѣйствовалъ одинъ, безъ согласія всѣхъ своихъ товарищей, но онъ осуществилъ вполнѣ ихъ планъ, который въ такъ называемыхъ разговорахъ былъ ими обдуманъ и разработанъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь подъ вымышленною фамиліею Владимірова велъ уединенную жизнь, ходилъ по кабакамъ и въ народѣ, написалъ и разбрасывалъ прокламацію, въ которой возбуждалъ народъ противъ высшихъ сословій и объяснялъ цѣль совершаемаго имъ преступленія; добылъ ядъ; 4 Апрѣля совершилъ покушеніе на Священную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и не принялъ ядъ только потому,—какъ онъ сказалъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ,—что имъ овладѣлъ внезапный страхъ.

Судебное слѣдствіе обнаружило, что нѣкоторые изъ товарищей Каракозова знали о его преступномъ намѣреніи.

Я признавалъ общество «адъ» окончательно устроеннымъ, но подсудимые, предъ Судомъ, все время отрицали его существованіе, а тѣ, которые были откровеннѣе, говорятъ, что осуществленіе его было отложено до болѣе удобнаго времени.—Я не поддерживаю въ этомъ отношеніи первоначальнаго моего обвиненія. Оно излишне уже потому, что по силѣ дѣйствующихъ законовъ, было ли это общество организованнымъ обществомъ, былъ ли это только планъ общества или наконецъ были ли это только разговоры о планѣ общества; но такъ какъ это повело къ совершенію такого преступленія, которое грозило повергнуть Россію въ кровавую бездну погибели, то виновные во всякомъ случаѣ подлежатъ одинаковому наказанію. При этомъ я однако считаю нужнымъ обратить вниманіе Верховнаго Уголовнаго Суда на содержаніе письма Каракозова къ Ишутину, въ которомъ онъ утверждаетъ, что единичный фактъ въ настоящее время несравненно полезнѣе для компаніи акціонеровъ ихъ обѣихъ фирмъ (очевидно «организаціи» и «ада»),—на испугъ Ипатовцевъ при извѣстіи, что Каракозовъ находится въ Петербургѣ,—на сношенія Каракозова въ Петербургѣ преимущественно съ Худяковымъ, т. е. лицомъ, отъ котораго возникло предположеніе объ устройствѣ «ада»— и наконецъ на тотъ страхъ, который Ипатовцы внушали своимъ товарищамъ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, по моему мнѣнію, приводитъ къ тому убѣжденію, что если общество «адъ» и не было окончательно устроено, то оно было весьма близко къ своему осуществленію.

По всѣмъ изложеннымъ мною обстоятельствамъ, я прихожу къ заключенію, что преступленіе Каракозова не было ни отдѣльнымъ проявленіемъ его преступной воли, ни послѣдствіемъ глубоко задуманнаго всѣми подсудимыми законопреступнаго заговора;—но что преступная воля Каракозова получила направленіе и развилась, и на самый способъ

совершенія преступленія онъ наведенъ преступными совѣщаніями и разговорами подсудимыхъ о цареубійствѣ и составленнымъ ими въ этихъ разговорахъ планомъ подобнаго преступленія.

При производствѣ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ слѣдствія, были привлечены разныя лица, которыя, не участвуя, ни въ разговорахъ о цареубійствѣ, ни въ обществѣ »организація«, находились въ сношеніяхъ съ главными обвиняемыми по другимъ ихъ преступнымъ замысламъ и предположеніямъ.

Главнѣйшія преступленія, которыя нынѣ подлежатъ разсмотрѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда, слѣдующія:

Знаніе и недонесеніе Правительству о намѣреніи Каракозова совершить преступное покушеніе.

Подстрекательство къ основанію тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью лишить жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Злоумышленіе нѣсколькихъ лицъ противъ Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, заключавшееся въ обсужденіи пользы и необходимости цареубійства.

Основаніе и участіе въ тайномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣль противную установленнымъ законами образу и порядку правленія.

Знаніе о существованіи тайнаго революціоннаго общества и недоведеніе о немъ до свѣдѣнія Правительства.

Опредѣливъ свойство преступленій, подлежащихъ разсмотрѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда, я перехожу къ разсмотрѣнію мѣры участія въ оныхъ и степени виновности каждаго изъ подсудимыхъ.

Дмитрій Каракозовъ, преступное покушеніе котораго на Священную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА было первымъ поводомъ къ производству настоящаго дѣла, понесъ уже должное наказаніе за содѣянное имъ преступленіе.

Преступленіе это, какъ я уже сказалъ, было вызвано особыми обстоятельствами, которыя вліяя на личность Каракозова, побудили его дѣйствовать подъ ихъ впечатлѣніемъ.

Откуда же взялась злодѣйская мысль цареубійства, мысль, дерзновеннымъ исполнителемъ которой явился Каракозовъ?

По единогласнымъ показаніямъ всѣхъ подсудимыхъ, показаніямъ, даннымъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію, мысль эта дана домашнимъ учителемъ **ИВАНОМЪ ХУДЯКОВЫМЪ.** Разговоры о произведеніи Государственнаго переворота посредствомъ цареубійства начались со времени полученнаго извѣстія о существованіи Европейскаго революціоннаго комитета, — а это извѣстіе было получено отъ означеннаго Худякова.

Европейскій революціонный комитетъ, имѣющій цѣлью цареубійствами способствовать революціоннымъ стремленіямъ государствъ, образовался въ началѣ 1865 года; къ числу членовъ этого комитета принадлежатъ Русскіе изгнанники и эмигранты, проживающіе въ Женевѣ. Слѣдовательно извѣстіе объ этомъ комитетѣ могло быть привезено самымъ естественнымъ образомъ изъ Женевы, лицемъ, которое находилось въ сношеніяхъ съ означенными заграничными эмигрантами. Въ 1865 году, т. е. послѣ учрежденія Европейскаго комитета, Худяковъ ѣздилъ въ Женеву, находился въ сношеніяхъ съ членами этого комитета, отверженными навсегда отъ Русскаго государства, государственными преступниками и передалъ Ишутину, какъ о существованіи Европейскаго революціоннаго комитета, такъ и о его цѣляхъ, а отъ Ишутина извѣстіе это перешло къ его единомышленникамъ. Все это Ишутинъ и прочіе подсудимые подтвердили предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ въ данныхъ ими показаніяхъ, а Ишутинъ сверхъ того и на очной ставкѣ съ Худяковымъ. Уже одни единогласныя показанія по сему предмету подсудимыхъ, не могущихъ имѣть никакой цѣли къ неправильному оговору Худякова, составляютъ, по моему мнѣнію, доказательство совершенно достовѣрное. Но независимо отъ сего, передача именно Худяковымъ извѣстія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ доказывается еще и тѣмъ, что изъ всѣхъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ, одинъ только Худяковъ былъ за границей, и именно въ томъ городѣ, въ которомъ, и въ то время, въ которое онъ могъ узнать о существованіи революціоннаго комитета.

Одно сообщеніе извѣстія о существованіи означеннаго революціоннаго Европейскаго комитета не составляетъ преступленія.—Какія же причины могли побудить подсудимаго Худякова такъ упорно отказываться отъ признанія, что онъ сообщилъ это извѣстіе Ишутину?

Причины эти заключаются въ томъ, что Худяковъ ѣздилъ за границу въ 1865 году на деньги Ермолова, данныя ему Ишутинымъ, который ему поручалъ, какъ подтвердилъ это и въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ, собрать свѣдѣнія о существующей за границей народной Русской революціонной партіи, и что Худяковъ, возвратясь изъ за границы, сообщилъ Ишутину о существованіи Европейскаго революціоннаго комитета не просто, какъ о сдѣлавшемся ему извѣстнымъ событіи, но передалъ ему въ подробности всѣ собранныя имъ объ этомъ комитетѣ свѣдѣнія съ тою цѣлью, чтобы Ишутинъ устроилъ въ Москвѣ кружекъ, на подобіе Европейскаго комитета.

При предварительномъ слѣдствіи Ишутинъ въ подробности разсказалъ свой разговоръ съ Худяковымъ по сему предмету, объяснивъ, что Худяковъ говорилъ ему объ Европейскомъ комитетѣ, что комитетъ этотъ можетъ способствовать революціи въ Россіи доставленіемъ оружія, гремучей ртути и орсиньевскихъ бомбъ, развивалъ въ подробности мысль о революціи въ Россіи посредствомъ цареубійства, объяснялъ, что революцію въ Россіи можно произвести, убивши Царя и сказавъ народу,

что это сдѣлали помѣщики и говорилъ, чтобы онъ, Ишутинъ, образовалъ революціонное общество въ Москвѣ и поступилъ въ С.-Петербургское революціонное общество.

Худяковъ совершенно отвергнулъ этотъ разговоръ его съ Ишутинымъ и предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ положительно объявилъ, что ему показанія Ишутина при слѣдствіи предъявляемы не были; но въ Т. V на стр. 151 находится очная ставка Ишутина съ Худяковымъ, на которой Ишутинъ уличалъ Худякова согласно вышеприведенному показанію его, а Худяковъ собственноручно опровергалъ его; такимъ образомъ заявленіе Худякова предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ представляется несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла.

Хотя Ишутинъ измѣнилъ это показаніе при производствѣ судебнаго слѣдствія, объяснивъ, что Худяковъ говорилъ ему лишь о существованіи Европейскаго комитета; но это обстоятельство не умаляетъ значенія прежнихъ показаній Ишутина потому, что Ишутинъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ давалъ постоянно показанія, несогласныя съ показаніями, данными имъ при предварительномъ слѣдствіи,—показаніями, написанными имъ собственноручно и вполнѣ соотвѣтствующими обнаруженнымъ обстоятельствамъ.

По сему, а также въ виду совершеннаго отрицанія Худяковымъ даже того обстоятельства, что имъ было сообщено извѣстіе о существованіи комитета, я нахожу, что онъ долженъ быть признанъ виновнымъ въ подговорѣ къ образованію въ Москвѣ революціоннаго общества съ цѣлью произвести революцію въ Россіи посредствомъ цареубійства.

Независимо отъ сего преступленія, Худяковъ оказывается виновнымъ въ томъ, что онъ не только зналъ о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство, но и способствовалъ ему въ этомъ преступленіи, давъ денегъ на покупку или перемѣну пистолета. Каракозовъ положительно удостовѣрилъ, что онъ говорилъ Худякову о своемъ намѣреніи въ довольно общихъ выраженіяхъ, но тѣмъ не менѣе въ такихъ, изъ которыхъ Худяковъ могъ узнать, на что рѣшился Каракозовъ. Одинъ оговоръ Каракозова конечно не могъ бы служить основаніемъ для того, чтобы признать Худякова виновнымъ въ столь тяжкомъ преступленіи. Но справедливость этого оговора подтверждается слѣдующими обстоятельствами: Худяковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, въ то время, когда Каракозовъ устранился отъ кружка своихъ товарищей и жилъ въ Петербургѣ подъ фальшивымъ именемъ, сообщилъ объ этомъ *Ипатовцамъ*, въ томъ числѣ Моткову; на основаніи его сообщенія о пребываніи Каракозова подъ чужою фамиліею въ С.-Петербургѣ, двое изъ *Ипатовцевъ* Ермоловъ и Странденъ по порученію Ишутина ѣздили въ Петербургъ, для того, чтобы уговорить Каракозова не приводить въ исполненіе того покушенія, которое, какъ они полагали, онъ могъ исполнить; Мотковъ, видѣвшійся съ Худяковымъ въ Москвѣ, прямо объявилъ ему, что боится, не поѣхалъ ли

Каракозовъ для того, чтобы совершить цареубійство и просилъ Худякова отыскать Каракозова, удостовѣриться о дѣйствительности его подозрѣнія и навести на его слѣдъ Полицію; Худяковъ на это согласился, но не исполнилъ предложенія Моткова; Мотковъ подтвердилъ это показаніе и предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ въ присутствіи Худякова, который отвѣтилъ на него принужденнымъ смѣхомъ, а Мотковъ вновь повторилъ свое показаніе, сказавъ Худякову, что онъ не имѣетъ причины лгать; сношенія Худякова съ Каракозовымъ во время пребыванія сего послѣдняго въ Петербургѣ были чрезвычайно дѣятельны; Каракозовъ по его показанію постоянно обращался къ Худякову за деньгами, сообщивъ ему, что деньги ему нужны для совершенія цареубійства; Худяковъ его отъ этого, какъ говоритъ Каракозовъ, не отговаривалъ, а ограничивался только заявленіемъ, что подобный единичный фактъ пройдетъ безслѣднымъ, не принесетъ той пользы, которой отъ него ожидаютъ; затѣмъ Худяковъ, когда Ишутинъ вызывалъ Каракозова въ Москву, самъ приходилъ къ нему и приносилъ деньги необходимыя для этой поѣздки Каракозова.

Пріѣхавъ на Пасхѣ въ Петербургъ, Каракозовъ въ тотъ же самый вечеръ отправился къ Худякову, и посѣщалъ его въ этотъ короткій промежутокъ времени между Четвергомъ Свѣтлой недѣли и Понедѣльникомъ Ѳоминой до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ Каракозовъ пришелъ къ нему и объявилъ, что ему нужно 15 руб., что эти 15 руб. нужны ему для того, чтобы расплатиться съ долгами, чтобы купить или перемѣнить пистолетъ для приведенія въ исполненіе цареубійства, на которое онъ рѣшился и которое исполнитъ чрезъ нѣсколько дней. Худяковъ не смотря на то, что Мотковъ просилъ его довести до свѣдѣнія Полиціи о намѣреніи Каракозова, въ случаѣ если бы онъ убѣдился въ томъ, что это намѣреніе имъ не оставлено,—не только не исполнилъ этой обязанности вѣрноподданнаго, но, какъ объяснялъ Каракозовъ, далъ ему денегъ и опять ограничился лишь тѣмъ, что увѣрялъ Каракозова, что такой единичный фактъ не можетъ привести къ тѣмъ результатамъ, которыхъ отъ него ожидаютъ.

Въ подтвержденіе этихъ обстоятельствъ я считаю необходимымъ указать на поведеніе Худякова во время слѣдствія.—Худяковъ былъ привлеченъ къ слѣдствію одинъ изъ первыхъ и ему былъ предъявленъ Каракозовъ. Въ такую минуту, когда все Русское Государство было потрясено извѣстіемъ о событіи 4 Апрѣля, когда усилія всѣхъ были направлены къ тому, чтобы способствовать Слѣдственной Коммисіи узнать, кто именно преступникъ, скрывающій свое имя, преступникъ, дерзнувшій поднять руку на своего ГОСУДАРЯ—въ такую минуту—только человѣкъ, который въ глубинѣ души своей сознавалъ всю свою виновность, могъ скрыть настоящее имя государственнаго преступника.

Худяковъ зналъ Каракозова и скрылъ настоящую его фамилію. Сообразивъ, что ему невозможно совершенно скрыть своего знакомства съ

Каракозовымъ, такъ какъ уже было обнаружено, что Каракозовъ посылалъ къ нему мѣщанина Цеткина съ письмомъ, Худяковъ сначала объявилъ, что предъявленный ему преступникъ приходилъ къ нему для испрошенія подаянія подъ именемъ мѣщанина Владимірова, раза два или три, и онъ всякій разъ давалъ ему деньги, но онъ сказалъ, что видѣлъ его только на своей квартирѣ и Каракозовъ самъ всегда являлся къ нему, а онъ не зналъ ни гдѣ онъ живетъ, ни дальнѣйшихъ о немъ подробностей. Впослѣдствіи, когда уже было открыто настоящее званіе государственнаго преступника, то, что Ишутинъ его двоюродный братъ, и были собраны свѣдѣнія, что Худяковъ зналъ Каракозова и прежде, Худяковъ началъ сознаваться, что государственный преступникъ пріѣхалъ къ нему съ письмомъ, дѣйствительно подписаннымъ Владиміровымъ, но назвалъ себя другою фамиліею, которую Худяковъ припомнить не можетъ, но кажется онъ назвалъ себя Козаревымъ, Корзаровымъ, Козыревымъ или Корзевымъ, или Корозовымъ, что онъ Худяковъ его спрашивалъ, что за причина такой разницы между фамиліею, которою онъ называетъ себя и которую подписываетъ въ письмахъ; на это будто бы государственный преступникъ ему отвѣтилъ, что онъ имѣетъ двойную фамилію Владиміровъ-Карозовъ. Въ тотъ же самый день Худяковъ сдѣлалъ признаніе, что онъ дѣйствительно зналъ государственнаго преступника и зналъ его подъ именемъ Дмитрія Владимірова Каракозова и наконецъ долженъ былъ признаться и въ томъ, что не только Каракозовъ бывалъ у него, но что и онъ бывалъ у Каракозова и зналъ, что Каракозовъ подъ именемъ Владимірова жилъ на квартирѣ у лекаря Кобылина.

Зная такимъ образомъ, что Каракозовъ жилъ въ Петербургѣ подъ вымышленною фамиліею Владимірова, Худяковъ не могъ не понимать всю странность этого обстоятельства и не сознавать, что Каракозовъ, перемѣняя свою фамилію, имѣлъ какую либо для этого преступную цѣль. Цѣль эта вытекала изъ тѣхъ основныхъ началъ устройства Европейскаго комитета, которыя приняты были и въ Москвѣ, что не могло не быть извѣстнымъ Худякову. Въ этомъ то именно и слѣдуетъ искать причину того упорства въ сознаніи о знакомствѣ съ Каракозовымъ, которое постоянно проявлялось въ показаніяхъ Худякова. Худяковъ впослѣдствіи даже сознался въ томъ, что зналъ о принадлежности Каракозова къ Московскому революціонному кружку и хотя при этомъ Худяковъ запирается въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство и въ томъ, что онъ давалъ ему деньги на покупку или перемѣну пистолета,—но по моему мнѣнію вполнѣ уличается приведенными мною уликами.

Не менѣе важною является виновность сына почетнаго гражданина **НИКОЛАЯ АНДРЕЕВА ИШУТИНА**.—Ишутинъ, по показанію всѣхъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ, первый приступилъ къ дѣятельному распространенію соціалистическихъ и коммунистическихъ идей и для большаго успѣха своей пропаганды образовывалъ разные кружки, привлекая въ нихъ болѣе и болѣе послѣдователей своихъ преступныхъ убѣжденій и наконецъ, когда число ихъ сдѣлалось довольно многочисленно, онъ приступилъ къ

устройству тайнаго общества, которое получило названіе »организація«. Члены этого общества, товарищи Ишутина, признавали его таинственнымъ революціонеромъ и подчинялись его вліянію, чего и онъ самъ не отвергаетъ. Наиболѣе сильное вліяніе онъ имѣлъ на Дмитрія Каракозова, связаннаго съ нимъ родствомъ, товарищескими отношеніями и жившаго вмѣстѣ съ нимъ.

Убѣдившійся, вслѣдствіе разсказовъ Худякова о необходимости образовать у насъ революціонное общество на подобіе Европейскаго комитета, Ишутинъ предложилъ вопросъ объ этомъ на обсужденіе своихъ товарищей и не взирая на несогласіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, указанія ихъ на то, что цѣль и средства предполагаемаго общества преступны и недостижимы, настоялъ на томъ, что этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ. Настояніе это было главною причиною того, что разговоры, какъ выражается подсудимый Ишутинъ, о Европейскомъ комитетѣ и объ устройствѣ у насъ подобнаго общества, имѣвшаго цѣлью цареубійство, достигли той степени развитія, что въ собраніяхъ, въ которыхъ возбуждался вопросъ, вполнѣ выработался планъ дѣйствій лица, которое должно было совершить цареубійство.

Мысль о возможности совершенія такого преступленія въ Россіи, по собственному показанію Ишутина, на судебномъ слѣдствіи, имъ первымъ внушена его товарищамъ. Разговоры, происходившіе по поводу предложенія Ишутина, вовсе не имѣли того шуточнаго характера, который старается имъ придать подсудимый, доказательствомъ чему и вообще склонности Ишутина къ рѣшительнымъ мѣрамъ, служитъ показаніе одного изъ его сообщниковъ, объяснившаго, что Ишутинъ, говоря о пропагандѣ, объ устройствѣ школъ, библіотекъ и проч. выражался: »это все не дѣло, нужно пафъ пафъ«. Равномѣрно доказательствомъ сему служитъ и то вліяніе, которое разговоры тѣ имѣли на Каракозова, усвоившаго себѣ планъ до такой степени, что въ дѣйствіяхъ своихъ при осуществленіи онаго онъ не отступилъ отъ него ни на шагъ.

Дѣйствительное стремленіе Ишутина произвести переворотъ путемъ цареубійства, несомнѣнно доказывается тѣмъ, что внимательно слѣдя за дѣйствіями Каракозова, онъ, какъ самъ сознался, зналъ о преступномъ намѣреніи его покуситься на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и имѣя возможность предупредить покушеніе, онъ сего не сдѣлалъ и слѣдовательно вполнѣ ему сочувствовалъ.

Узнавъ отъ Худякова, что Каракозовъ находится въ Петербургѣ, онъ, (вѣроятно для успокоенія своихъ товарищей, встревоженныхъ внезапнымъ отъѣздомъ Каракозова), уговорилъ Ермолова и Страндена ѣхать въ Петербургъ и убѣдившись въ томъ, что Каракозовъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе покуситься на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, возвратить его въ Москву. Ермоловъ и Странденъ исполнили это порученіе и возвратившись, передали Ишутину, что нашли Каракозова на площади Зимня-

го Дворца и узнавъ отъ него, что онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью покуситься на цареубійство, взяли съ него обѣщаніе не приводить въ исполненіе его намѣренія. Не довольствуясь этимъ, они уговорили Ишутина написать Каракозову письмо о томъ, чтобъ онъ немедленно возвратился въ Москву. Ишутинъ уступилъ ихъ настоянію и написалъ Каракозову письмо, найденное при слѣдствіи въ Знаменской гостинницѣ, которымъ онъ вызывалъ Каракозова въ Москву. Это письмо адресовано было на имя Владимірова, фамилія, которую Каракозовъ принялъ, живя въ Петербургѣ, чѣмъ самымъ выполнилъ одно изъ условій плана, разработаннаго Ишутинымъ и его товарищами.

Хотя изъ дѣла не видно, какіе были разговоры у Ишутина съ Каракозовымъ, по возвращеніи сего послѣдняго въ Москву, но послѣ всего вышесказаннаго нельзя допустить, чтобы цѣль поѣздки Каракозова въ Петербургъ не была предметомъ ихъ взаимныхъ объясненій, вскорѣ послѣ которыхъ Каракозовъ вновь скрылся изъ Москвы и притомъ тайкомъ отъ своихъ товарищей для приведенія уже въ исполненіе своего преступнаго намѣренія. Неизвѣстно, откуда Каракозовъ пріобрѣлъ средства для вторичной поѣздки своей въ Петербургъ, но принявъ въ соображеніе, что самъ онъ былъ человѣкъ крайне бѣдный и что подсудимый, двоюродный братъ его, одинъ изъ всего общества располагалъ деньгами, предоставленными ему въ безотчетное распоряженіе Ермоловымъ, нельзя не думать, что деньги необходимыя на поѣздку Каракозова въ Петербургъ для исполненія его преступнаго намѣренія, получены имъ отъ Ишутина. Расказывая о послѣдней поѣздкѣ Каракозова, Ишутинъ утверждалъ, что ему неизвѣстно было, куда онъ скрылся.—Еслибы такое объясненіе было справедливо, то не естественно ли было послѣ того, что онъ зналъ о цѣли первой поѣздки Каракозова въ Петербургъ, образъ его мыслей и характеръ, не естественно ли, повторю я, должна была Ишутину придти мысль, не поѣхалъ ли Каракозовъ опять въ Петербургъ для приведенія въ исполненіе того намѣренія, отъ котораго его отговорили Ермоловъ и Странденъ, не естественно ли было Ишутину, если бы онъ не желалъ осуществленія намѣренія Каракозова, тотчасъ же довести о всемъ ему извѣстномъ относительно Каракозова до свѣдѣнія Правительства и тѣмъ предупредить то страшное преступленіе, отъ котораго ГОСУДАРЬ былъ спасенъ только волею Провидѣнія.

Не только всего этого Ишутинымъ исполнено не было, но и самое объясненіе, его что онъ не зналъ куда скрылся Каракозовъ, оказывается совершенно ложнымъ, что доказывается письмомъ, написаннымъ Каракозовымъ къ Николаю Андреевичу, т. е. Ишутину, которое найдено было въ карманѣ Каракозова при задержаніи его. Письмо это начинается упрекомъ Ишутину въ томъ, что онъ усумнился въ преданности Каракозова какому то дѣлу. Далѣе онъ пишетъ объ акціонерахъ двухъ фирмъ. Слѣдствіе разъясняетъ значеніе этихъ выраженій *фирмъ*. Очевидно, что одна фирма это лица, принадлежавшія къ обществу «организація», лица, желавшія путемъ преступной, по мир-

ной пропаганды, приготовить народъ къ Государственному перевороту и совершить самый переворотъ только въ то время, когда народъ достаточно созрѣетъ къ восприятію и осуществленію распространяемыхъ имъ началъ Государственнаго устройства, другая фирма, это тотъ кружокъ, который толковалъ, обсуждалъ вопросъ о необходимости цареубійства, какъ событія долженствующаго произвести кровавую революцію. Въ томъ же письмѣ указана выгода преступленія и объясняется, что одна изъ фирмъ акціонерныхъ компаній должна отозваться объ этомъ событіи, какъ объ дѣлѣ нечестномъ и нечистомъ. Понятно, что это относится до «организаціи», не признававшей тѣхъ мѣръ, которыя распространялись лицами, вырабатывавшими планъ цареубійства; лица эти и вмѣстѣ съ ними Ишутинъ должны были сочувствовать той пользѣ, которая могла произойти отъ преступленія. Каракозовъ пишетъ къ Ишутину, какъ къ лицу, умѣющему читать между строкъ, какъ къ лицу понимающему до кого письмо относится, на какія выгоды въ немъ указывается, что для человѣка непосвященнаго въ ихъ тайны, представляется не вполнѣ понятнымъ. Это письмо, по моему мнѣнію, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что Ишутинъ достовѣрно зналъ не только куда именно Каракозовъ уѣхалъ вторично изъ Москвы, но и о цѣли самой поѣздки, именно о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство.

По всѣмъ симъ соображеніямъ я немогу не признать Ишутина виновнымъ въ знаніи и недонесеніи Правительству о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство и въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ учрежденію въ Москвѣ тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью цареубійство.

Ближайшими послѣ Ишутина, прикосновенными къ преступленію лицами, представляются дворяне **ПЕТРЪ ЕРМОЛОВЪ и НИКОЛАЙ СТРАНДЕНЪ.**— Ермоловъ предоставлялъ для революціонной дѣятельности всѣ свои денежныя средства, а относительно Страндена изъ показаній, данныхъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, извѣстно, что имъ были вовлечены въ «организацію» весьма многіе изъ подсудимыхъ. Ермоловъ чистосердечно признался, что онъ зналъ о намѣреніи Каракозова во время пребыванія его Великимъ постомъ въ Петербургѣ совершить покушеніе на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а Странденъ при судебномъ слѣдствіи сознался, что онъ лишь предполагалъ это, и кромѣ того оба сознались въ участіи въ разговорахъ и обсужденіяхъ предложеннаго Ишутинымъ проекта образовать въ Москвѣ общество съ цѣлью цареубійства, подобное Европейскому комитету. Когда они узнали о пребываніи Каракозова въ Петербургѣ, то, какъ выражаются, сами убѣдились въ томъ, что Каракозовъ находится въ Петербургѣ для совершенія какого либо рѣшительнаго шага. Убѣжденіе это въ нихъ было поддержано разговоромъ съ Ишутинымъ, который уговорилъ ихъ ѣхать въ Петербургъ отыскать Каракозова и привести его обратно въ Москву. Ермоловъ и Странденъ прибыли въ Петербургъ, встрѣтили Каракозова на Дворцовой площади и пригласили его къ себѣ въ гостинницу, гдѣ имѣли съ нимъ разговоръ о томъ, не пріѣхалъ ли онъ въ Петербургъ съ цѣлью совершить цареубійство. Въ этомъ случаѣ

какъ Ермоловъ, такъ и Странденъ дѣйствовали вмѣстѣ, они вмѣстѣ разговаривали съ Каракозовымъ въ трактирѣ; и по сему хотя Странденъ и не сдѣлалъ прямаго сознанія, но показаніе Ермолова о томъ, что Каракозовъ имъ сказалъ о намѣреніи своемъ совершить цареубійство, служитъ доказательствомъ того, что и Странденъ зналъ тоже самое и также положительно, какъ Ермоловъ.—Узнавъ о таковомъ злоумышленіи противъ жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, они, вмѣсто немедленнаго доведенія о томъ до свѣдѣнія Правительства, ограничились лишь тѣмъ, что, разъяснивъ Каракозову весь вредъ, могущій произойти отъ его преступленія для членовъ ихъ общества, взяли съ Каракозова честное слово, что онъ своего намѣренія не исполнитъ.—Слѣдовательно оба они виновны въ томъ, что знали и не донесли Правительству о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство.

Что касается участія ихъ въ преступныхъ, какъ они выражаются, разговорахъ объ устройствѣ особаго тайнаго общества, то участіе ихъ въ этомъ доказывается, какъ ихъ сознаніями, такъ и показаніями ихъ товарищей, составлявшихъ кружокъ, въ средѣ котораго велись эти разговоры. Приэтомъ нельзя не обратить особаго вниманія на то, что почти всѣ подсудимые объясняя, что заявленіе о необходимости обсудить вопросъ о цареубійствѣ сдѣлано было Ишутинымъ, показываютъ, что всѣ остальные положительно воспротивились этому, доказывая невозможность осуществленія этой идеи. Всѣ они также утверждаютъ, что о предметѣ этомъ отзывались съ особеннымъ неудовольствіемъ.—Между тѣмъ изъ совокупности показаній всѣхъ подсудимыхъ несомнѣнно явствуетъ, что этотъ предметъ обсуждался ими въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, что разговоры о немъ возобновлялись часто, что толки ихъ привели къ составленію самаго подробнаго плана дѣйствій того лица, которое предназначалось къ цареубійству,—плана, который, какъ выше сказано, выполненъ во всѣхъ подробностяхъ Каракозовымъ.—Есть ли за симъ какая либо возможность предполагать, чтобы тѣже самыя лица, которыя не хотѣли говорить объ этомъ предметѣ и выражались о немъ съ неудовольствіемъ, могли въ то же время выработать цѣлый планъ общества для осуществленія такой цѣли, которую они сами находили вредною и неудобоисполнимою.

ДМИТРІЙ ЮРАСОВЪ подобно предъидущимъ лицамъ, начиная съ 1863 г., участвовалъ въ замыслахъ своихъ товарищей о распространеніи соціализма и коммунизма;—войдя самъ въ составъ »организаціи« особенно заботился объ ея развитіи и дальнѣйшемъ успѣшномъ ходѣ; затѣмъ принадлежа къ числу лицъ, наиболѣе близкихъ къ Ишутину, по собственному показанію, участвовалъ съ своими сотоварищами въ обсужденіи того преступнаго предположенія, которое Ишутинъ привезъ отъ Худякова.—Хотя при этомъ Юрасовъ и возражалъ, какъ самъ утверждаетъ, и какъ показываютъ свидѣтели, противъ необходимости и пользы учрежденія подобнаго общества, но не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію того страшнаго преступленія, которое было послѣдствіемъ этихъ, какъ выражаются подсудимые, ихъ разговоровъ.—Тѣмъ болѣе представляется

виновнымъ Юрасовъ въ настоящемъ случаѣ, что по собственному его сознанію Ермоловъ и Странденъ по возвращеніи въ Москву сообщили ему о томъ, что одинъ изъ сотоварищей ихъ, Каракозовъ, намѣревался совершить покушеніе на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, но что они убѣдили его не приводить въ исполненіе своего намѣренія въ виду той опасности, которая грозила всѣмъ прочимъ товарищамъ, и того, что изъ этого частнаго случая не произойдетъ ничего полезнаго для народа.

Подобнаго рода отношенія, существовавшія между подсудимыми, и дѣйствія ихъ, не смотря на отрицаніе существованія тайнаго кружка или общества подъ названіемъ «адъ«, доказываютъ, что въ этомъ обществѣ были не одни только разговоры, но что и планъ оному былъ уже составленъ и лишь по настояніямъ лицъ подобныхъ Юрасову, осуществленіе онаго отложено было до болѣе удобнаго времени. Посему Юрасовъ, по собственному сознанію, подкрѣпленному показаніями свидѣтелей, виновенъ въ знаніи о злоумышленіи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и недонесеніи о семъ Правительству и въ принятіи участія въ преступныхъ разговорахъ о перемѣнѣ въ Россіи порядка существующаго правленія посредствомъ цареубійства.

Нѣсколько менѣе дѣятельнымъ представляется дворянинъ **МАКСИМИЛІАНЪ ЗАГИБАЛОВЪ**.—Проживая съ поименованными мною лицами на одной квартирѣ въ домѣ Ипатова, онъ хотя и принималъ участіе въ ихъ преступныхъ замыслахъ, но по крайней мѣрѣ отвергалъ тѣ крайнія средства, которыя товарищи его признавали полезными для скорѣйшаго достиженія государственнаго переворота въ нашемъ Отечествѣ.

Загибаловъ, какъ показываютъ прочіе подсудимые, когда на сходкахъ, или въ разговорахъ заходила рѣчь о необходимости совершенія цереубійства, постоянно возражалъ противъ этого предположенія, доказывая, что устройствомъ у насъ тайнаго общества, подобнаго Европейскому революціонному комитету, предположенная ими цѣль произвести въ Россіи революцію и водворить порядокъ правленія на соціальныхъ началахъ, не была бы достигнута. Равнымъ образомъ показаніями подсудимыхъ по настоящему дѣлу Загибаловъ не уличается ни въ томъ, чтобы ему было извѣстно о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ни въ знаніи цѣли, съ которою Странденъ и Ермоловъ отправились въ Петербургъ и послѣдствій этой поѣздки. Все это однако нисколько не избавляетъ Загибалова отъ строгой предъ закономъ отвѣтственности за его преступныя дѣйствія.

Загибаловъ, какъ при судебномъ слѣдствіи неопровержимо доказано, находился въ составѣ тайнаго революціоннаго общества, образовавшагося подъ названіемъ: «организація». Будучи членомъ этого общества, онъ находился именно въ числѣ тѣхъ, которые въ преступныхъ разговорахъ обсуждали предположеніе о достиженіи задуманнаго ими переворота и измѣненія въ Россіи образа правленія посредствомъ преступнаго посяга-

тельства на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. О столь тяжкомъ злоумышленіи Загибаловъ имѣлъ полную возможность довести до свѣдѣнія Правительства, но онъ не исполнилъ этой обязанности, возложенной на него закономъ, а ограничился одними возраженіями, которыя по этому предмету высказывалъ на сходкахъ, и которыя, какъ оказалось впослѣдствіи, не могли имѣть и не имѣли никакого вліянія на преступную рѣшимость Каракозова.

Съ 1865 года въ преступной пропагандѣ соціалистическихъ и коммунистическихъ идей сталъ принимать живое участіе вольноотпущенный дворовый человѣкъ **ОСИПЪ АНТОНОВЪ МОТКОВЪ**. Особенно много энергіи онъ выразилъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по устройству общества «организація», первоначальный планъ котораго былъ даже имъ составленъ. Затѣмъ, когда Ермоловъ начерталъ проектъ устава этого общества, Мотковъ занялся исправленіемъ этого проекта и читалъ его своимъ товарищамъ на одной изъ сходокъ.

Мотковъ призналъ себя при судебномъ слѣдствіи виновнымъ въ томъ, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, онъ принималъ участіе въ разговорахъ объ устройствѣ въ Россіи общества, по цѣлямъ своимъ сходнаго съ Европейскимъ революціоннымъ комитетомъ, стремящимся къ достиженію въ государствахъ революціи—цареубійствами. Хотя Мотковъ, по показанію нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, и оспаривалъ значеніе такого общества, и не разъ выражался противъ цареубійства, доказывая, что оно ни къ чему не поведетъ, но самъ же онъ, по удостовѣренію его товарищей, сообщилъ имъ о существованіи Европейскаго революціоннаго комитета, и о цѣляхъ его. Вскорѣ однако вполнѣ убѣдившись въ томъ, что образованіе такого общества можетъ имѣть весьма опасныя послѣдствія и окончательно повредитъ существованію ихъ «организаціи», Мотковъ сообщилъ о своемъ опасеніи Малинину и нѣкоторымъ другимъ своимъ товарищамъ и совѣтовался съ ними относительно мѣръ, которыя надлежало бы принять для воспрепятствованія образованію такого общества. Объясняя свое участіе въ преступныхъ разговорахъ Ипатовцевъ вовлеченіемъ въ ихъ кружокъ помимо его воли, и боязнію со стороны ихъ мщенія, если онъ отъ нихъ отдѣлится, Мотковъ предлагалъ своимъ товарищамъ завести Ишутина въ какое либо уединенное мѣсто, въ подробности разспросить о всѣхъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ задумавшихъ образовать общество съ столь преступною цѣлью, и настращавъ его, въ случаѣ надобности, смертію, выслать вмѣстѣ съ Ермоловымъ въ какое нибудь уединенное мѣсто подъ строгій надзоръ, а Каракозова посадить въ сумасшедшій домъ. Всего скорѣе достигнуть этого Мотковъ полагалъ принятіемъ въ «организаціи» за правило, что всѣ члены должны подчиняться рѣшенію большинства, и этимъ способомъ онъ думалъ отстранить то безусловное вліяніе, которымъ пользовались Ипатовцы на всѣхъ сходкахъ «организаціи». Для пріобрѣтенія способа къ высылкѣ этихъ лицъ изъ Москвы, Мотковъ признавалъ нужнымъ имѣть деньги, за которыми и отправился въ Холмъ къ подсудимому Маликову; кромѣ того Мотковъ прису-

дебномъ слѣдствіи показалъ, что о поѣздкѣ Страндена въ Петербургъ съ цѣлью отклонить Каракозова отъ преступной рѣшимости его совершить покушеніе на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ему было извѣстно, и въ бытность Худякова въ Москвѣ онъ сообщилъ ему объ этомъ и просилъ розыскать Каракозова въ Петербургѣ и навести на его слѣдъ полицію. Худяковъ, хотя и отвергаетъ вполнѣ сообщеніе ему подобнаго свѣдѣнія, но обстоятельство это подтверждается не только сознаніемъ самого Моткова, но и показаніями тѣхъ лицъ, которымъ Мотковъ разсказывалъ объ этомъ.

По всему этому вольноотпущеннаго Моткова нельзя не признать виновнымъ въ принятіи участія въ тѣхъ сходкахъ и собраніяхъ, на которыхъ были ведены преступные разговоры о перемѣнѣ въ Россіи образа правленія и объ устройствѣ въ Москвѣ общества, подобнаго тому, какое существуетъ за границею подъ названіемъ Европейскаго революціоннаго комитета.

Губернскій Секретарь **ВЯЧЕСЛАВЪ НИКОЛАЕВЪ ШАГАНОВЪ** съ 1863 г. принадлежалъ къ кружку Ишутина, Ермолова, Юрасова и Загибалова, которые въ то время занимались пропагандой соціалистическихъ и коммунистическихъ идей; въ послѣдствіи Шагановъ поступилъ на службу Судебнымъ Слѣдователемъ въ Сергачскій уѣздъ, Нижегородской губерніи, отдѣлился отъ этого кружка до начала 1866 г., когда по возвращеніи въ Москву, снова принялъ самое дѣятельное участіе въ образованіи того общества, для котораго онъ, по просьбѣ Ишутина, какъ показалъ самъ Шагановъ, написалъ уставъ. Хотя Шагановъ и объяснилъ при судебномъ слѣдствіи, что уставъ этотъ былъ только спискомъ съ устава Итальянскихъ карбонаріевъ, который онъ прочелъ въ первой попавшейся ему книжкѣ журнала, что въ уставѣ его не заключалось никакихъ противуправительственныхъ стремленій, но по указанію лицъ, слышавшихъ чтеніе этого устава на сходкахъ, въ немъ выражалась необходимость подготовить народъ къ соціальному ученію, которое одно можетъ принести пользу,—говорилось объ устройствѣ государства на соціальныхъ началахъ и о необходимости произвести революцію возбужденіемъ народа къ возстанію вооруженною рукою. Участіе Шаганова въ обществѣ »организація« и сочувствіе его всѣмъ идеямъ, которыя проводились членами этого общества доказывается всею его дѣятельностію и способствованіемъ къ выполненію тѣхъ плановъ, которые были признаны необходимыми средствами для осуществленія цѣли организаціи. Такимъ образомъ онъ участвовалъ въ замыслѣ объ освобожденіи Чернышевскаго, пріобрѣтеніемъ яда необходимаго Страндену для отравленія стражи. Но кромѣ этого Шагановъ участвовалъ въ преступныхъ разговорахъ о цареубійствѣ, въ чемъ онъ и призналъ себя виновнымъ, утверждая, что постоянно доказывалъ несостоятельность подобной идеи, невозможность приведенія ея въ исполненіе и указывалъ вредъ, который подобное покушеніе можетъ принести всему ихъ обществу.

По сему подсудимый этотъ вполнѣ изобличается въ принятіи участія въ разговорахъ его товарищей о цареубійствѣ.

Переходя за симъ къ Кандидату Московскаго Университета **ПЕТРУ НИКОЛАЕВУ**, я нахожу, что подсудимый этотъ сталъ принимать участіе въ дѣятельности главныхъ проводителей соціалистическихъ идей лишь въ 1865 г. Не смотря на позднее присоединеніе Николаева къ этому кружку, какъ въ слѣдствіе личнаго характера его, такъ и тѣхъ убѣжденій, которыя онъ имѣлъ, онъ вскорѣ получилъ въ немъ значеніе и занялъ мѣсто въ числѣ главныхъ дѣятелей. Убѣжденія его ясно обнаружились при судебномъ слѣдствіи и нельзя предполагать, чтобы присутствіе подобной личности въ кругу лицъ, расположенныхъ къ революціоннымъ стремленіямъ могло остаться безслѣднымъ и не вліять на способъ дѣйствія его товарищей, которые, по развитію и образованію, стояли ниже его. Примѣръ этому мы знаемъ изъ показаній, данныхъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ о подговорѣ Николаевымъ Ѳедосѣева отравить его отца, для чего Николаевъ досталъ Ѳедосѣеву рецепты яда. Николаевъ вполнѣ сознался въ томъ, что онъ былъ членомъ общества »организація«, заявилъ что организацію онъ считалъ дѣломъ полезнымъ и показалъ, что онъ всѣми мѣрами заботился о существованіи этого общества, особенно въ то время, когда ему угрожала опасность распаденія.

Въ принятіи участія въ преступныхъ разговорахъ о цареубійствѣ Николаевъ сначала не сознавался, но былъ уличенъ въ этомъ Ермоловымъ и долженъ былъ предъ Верховнымъ Судомъ сознаться, что онъ участвовалъ и въ этомъ преступленіи. Въ оправданіе свое онъ говоритъ, что никогда не высказывалъ, ни порицанія, ни одобренія мысли о цареубійствѣ; но при этомъ я долженъ замѣтить, что въ собственномъ, по выраженію его, откровенномъ показаніи, данномъ Слѣдственной Коммисіи и имъ самимъ прочитанномъ Верховному Суду онъ признаетъ теорію Монархомяховъ (цареубійцъ) полезною и необходимою въ извѣстныхъ случаяхъ.

Принадлежность Николаева къ тому кружку, въ которомъ происходили преступные разговоры и предположенія о цареубійствѣ подтверждается еще показаніемъ Провизора Лаунгауза о томъ, что черезъ два дня послѣ преступнаго покушенія Каракозова, Николаевъ, встрѣтивъ Лаунгауза, сказалъ ему, что покушеніе это произведено должно быть однимъ изъ его знакомыхъ, тѣмъ самымъ, который съ мѣсяцъ тому назадъ имѣлъ намѣреніе совершить это преступленіе, но былъ остановленъ. На судебномъ слѣдствіи Николаевъ не возражалъ Лаунгаузу и не уличалъ его въ томъ, что онъ показываетъ ложно, не смотря на то, что показаніе Лаунгауза ясно показываетъ, что Николаевъ зналъ о пребываніи Каракозова въ Великомъ посту въ Петербургѣ и о поѣздкѣ за нимъ Страндена и Ермолова.

По сему я признаю Николаева виновнымъ въ принятіи участія въ преступныхъ разговорахъ о цареубійствѣ.

Приступая къ обсужденію виновности членовъ общества «организаціи» я признаю нужнымъ обратить вниманіе Верховнаго Уголовнаго Суда на показаніе, данное Мотковымъ при самомъ началѣ судебнаго слѣдствія объ организаціи. Мотковъ разъяснилъ, что членовъ общества «организаціи» слѣдовало бы раздѣлить на двѣ группы; изъ нихъ къ одной должны быть отнесены поименованные мною 8 человѣкъ: Каракозовъ, Ишутинъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ и Николаевъ;—у этихъ лицъ возникла самая мысль объ образованіи общества, отъ нихъ же исходили всѣ вообще предложенія обществу. Всѣхъ остальныхъ Мотковъ причисляетъ ко 2-й группѣ, называетъ ихъ «новичками», говоритъ, что они были мало знакомы съ лицами первой группы.

Такое раздѣленіе членовъ общества «организаціи» подтверждается вообще всѣмъ судебнымъ слѣдствіемъ. Имъ обнаружено, что главнѣйшими дѣятелями общества «организаціи» были дѣйствительно поименованные мною 8 человѣкъ; что они составляли проекты общества, предлагали разныя мѣры, что они, въ особенности Странденъ и Ишутинъ, хлопотали о привлеченіи въ общество новыхъ членовъ; что къ нимъ же обращались вновь поступавшія въ общество лица за разъясненіемъ цѣлей общества, за объясненіемъ тѣхъ словъ и выраженій, которыя употреблялись въ обществѣ, и которыя нѣкоторымъ изъ членовъ были непонятны; однимъ словомъ они были не только основателями, но и руководителями возникшаго общества и стремились упрочить свое вліяніе проведеніемъ въ уставѣ мыслей о центральной агентурѣ и о карательныхъ мѣрахъ.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что они одни вполнѣ сознательно и обдуманно стремились къ ниспроверженію всего существующаго порядка и образа правленія и относились къ своимъ сочленамъ, не какъ къ товарищамъ, а какъ къ лицамъ, въ которыхъ они видѣли лишь орудіе для достиженія своихъ замысловъ, и отъ которыхъ они скрывали свои затаенныя, крайне преступныя цѣли.

Такая дѣятельность этихъ восьми человѣкъ, къ кругу которыхъ сперва принадлежалъ и Мотковъ,—не могла не быть замѣченною прочими членами организаціи; и дѣйствительно, вскорѣ послѣ масляницы 1866 года, взаимныя отношенія членовъ общества принимали характеръ все болѣе непріязненный.—Мотковъ открылъ нѣкоторымъ изъ вновь поступившихъ въ общество лицъ, свои опасенія и подозрѣнія относительно замысловъ основателей общества «организаціи» имѣть надъ обществомъ такое вліяніе, чтобы общество безпрекословно исполняло ихъ распоряженія, хотя-бы оно не было съ ними согласно. Сообщая это, Мотковъ началъ возбуждать новыхъ членовъ къ противодѣйствію Ипатовцамъ, и для большаго успѣха онъ старался увеличить число членовъ «организаціи» съ тѣмъ, чтобы

имѣть въ этомъ обществѣ на своей сторонѣ большинство голосовъ, которымъ можно было-бы уничтожить преобладаніе Ипатовцевъ.

Въ такомъ положеніи было общество, когда члены его были арестованы.

Изъ этого видно, что не всѣ члены общества имѣли одинаково точныя и опредѣленныя понятія о цѣляхъ общества. Въ этомъ отношеніи члены общества, за исключеніемъ Моткова и поименованныхъ восьми лицъ, по обнаруженнымъ предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями даннымъ должны быть въ свою очередь раздѣлены: во 1-хъ на тѣхъ, которые на столько знали о цѣляхъ общества, что должны были понимать, что оно стремится къ измѣненію существующаго государственнаго устройства и во 2-хъ на тѣхъ, которые не имѣя такихъ свѣдѣній объ обществѣ и не раздѣляя сами революціонныхъ убѣжденій, вовлечены въ общество надеждою на улучшеніе матеріальнаго ихъ быта.

Къ первымъ должны быть отнесены: Чиновникъ X класса **ОРЕСТЪ МАЛИНИНЪ**, Студентъ Московскаго Университета **ДМИТРІЙ ИВАНОВЪ**, 19 лѣтъ, слушатель Петровской Академіи, сынъ Священника, **ФЕДОРЪ ЛАПКИНЪ** 19 л. и дворянинъ **АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВЪ**. Ко вторымъ: дворянинъ **КОНСТАНТИНЪ КИЧИНЪ** и слушатели Петровской Академіи сынъ Священника **ВАСИЛІЙ СОБОЛЕВЪ**, **АЛЕКСѢЙ СЕРГІЕВСКІЙ**, 20 лѣтъ, изъ государственныхъ крестьянъ **ФЕОФАНЪ БОРИСОВЪ** и сынъ дьячка **ДМИТРІЙ ВОСКРЕСЕНСКІЙ**. Малининъ, Дмитрій Ивановъ, Лапкинъ и Александръ Ивановъ въ данныхъ ими при судебномъ слѣдствіи показаніяхъ признались въ томъ, что они принадлежали къ обществу «организація», что посѣщали сходки онаго, что при нихъ обсуждались проекты общества и предлагались разныя мѣры,— эти показанія подтверждаются и показаніями всѣхъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ.

Присутствуя такимъ образомъ при обсужденіи вопросовъ, которые возбуждались въ обществѣ, они соединились съ Мотковымъ для противодѣйствія Ипатовцамъ; слѣдовательно они знали въ чемъ именно не сходился Мотковъ съ основателями общества. При такихъ условіяхъ они не могли не знать и не понимать какая именно была цѣль общества, по мнѣнію всѣхъ членовъ, оное составлявшихъ. Они должны были знать, что основатели общества стремились положительно къ переустройству Государства на соціальныхъ началахъ посредствомъ революціи, а прочіе члены не соглашались съ Ипатовцами лишь относительно средствъ къ достиженію той же цѣли. Что они это положительно знали и понимали доказывается признаніемъ Дмитрія Иванова предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ во взведенномъ на него обвинительнымъ актомъ обвиненіи; Малининъ и Александръ Ивановъ признали, что при нихъ Шагановъ читалъ свой проектъ устава, по смыслу котораго общество «организація» должно было подготовлять народъ къ революціи; Лапкинъ при предварительномъ слѣдствіи положительно утверждалъ, что цѣль общества была революціонная, но на судѣ онъ отрекся отъ этого показанія, объясняя, что оно вынуждено у него угрозами

и что цѣль общества состояла только въ распространеніи коммунистическихъ идей. Отрекаясь отъ своего сознанія, Лапкинъ на сдѣланные ему вопросы о томъ, въ чемъ именно заключались угрозы Слѣдственной Коммисіи, объяснилъ, что угрозы эти состояли въ увѣщаніяхъ, сознаться и показать истину, причемъ ему указывали на законы о вліяніи раскаянія и сознанія на опредѣленіе наказанія;—такимъ образомъ изъ этого объясненія Лапкина видно, что ему угрозъ дѣлаемо не было и что то, что онъ называетъ угрозами, т. е. увѣщанія, незаключавшія въ себѣ ничего противузаконнаго, клонились только къ тому, чтобы убѣдить его показать истину. Наконецъ всѣ эти лица слышали отъ Моткова о происходившихъ у Ипатовцевъ толкахъ и разговорахъ о цареубійствѣ, противъ которыхъ и возсталъ Мотковъ.

Имѣя такія свѣдѣнія о цѣляхъ общества Малининъ, Лапкинъ и Ивановы не могли не сознавать и не понимать, что общество, къ которому они принадлежали, стремится къ измѣненію существующаго Государственнаго устройства.

Остальные члены »организаціи« Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ и Воскресенскій въ принадлежности къ этому обществу также признались предъ судомъ. Но сознаваясь въ этомъ они при предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ объяснили, что въ душѣ они не только не раздѣляли революціонныхъ идей, но даже не понимали, чего именно желало достигнуть общество; — они слышали тамъ выраженія: »соціализмъ«, »соціальная революція«, »экономическій переворотъ«, и не понимая смысла этихъ выраженій, обращались къ товарищамъ съ просьбою о разъясненіи имъ этихъ непонятныхъ для нихъ словъ. Но просьбы ихъ не имѣли успѣха; одни не могли имъ объяснить, другіе же не хотѣли объяснять.—Показанія эти представляются вполнѣ искренними и правдивыми. Они были въ такой крайности, находясь въ чуждомъ имъ городѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, но съ желаніемъ получить образованіе,—что не могли отказаться отъ возможности улучшить свое положеніе представившимся случаемъ, не вдаваясь въ подробныя сужденія о томъ, почему именно имъ предлагались эти средства и не было ли въ нихъ чего либо противузаконнаго. Поступивъ однажды въ это общество,—иные получивъ денежныя пособія, другіе поддерживаемые надеждою,—попали въ такую зависимость отъ общества, что не считали возможнымъ оставить его, а тѣмъ менѣе донести о немъ правительству,—съ другой стороны товарищи ихъ дорожили ими потому, что какъ члены общества, они имѣли въономъ право голоса.

Жалкое положеніе ихъ яснее обнаруживается изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: изъ числа этихъ пяти человѣкъ Кичинъ дорожилъ своими отношеніями къ Моткову и Александру Иванову потому, что, живя вмѣстѣ съ ними, онъ пользовался теплымъ пальто Александра Иванова; Соболевъ получалъ отъ Ишутина денежныя пособія; Сергіевскій, Борисовъ и Воскресенскій, живя въ 10 верстахъ отъ Москвы, въ зимнее время ходили туда за съѣстными припасами, чтобы такимъ образомъ сберечь

нѣсколько копѣекъ;—въ Москвѣ, они заходили къ своимъ знакомымъ, чтобы обогрѣться и напиться чаю. Въ числѣ ихъ знакомыхъ были и члены обществъ «взаимнаго вспомоществованія» и «организація»;— разговоры о помощи бѣднымъ, о доставленіи нуждающимся средствъ къ жизни, обратили на себя ихъ вниманіе и они начали посѣщать сходки общества «взаимнаго вспомоществованія», и такимъ образомъ сдѣлались членами общества «организація».

Все это подтверждаетъ показанія подсудимыхъ о томъ, что свѣдѣнія ихъ о цѣляхъ общества «организаціи» были крайне смутны,—что сами они вовсе не раздѣляли раволюціонныхъ убѣжденій и что, по тѣмъ свѣдѣніямъ о цѣляхъ общества, которыя они имѣли, они могли не понимать, что общество, къ которому они принадлежали, стремилось къ измѣненію существующаго государственнаго устройства.

За симъ я перехожу къ тѣмъ изъ стоящихъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ подсудимымъ, которые вовсе не принадлежали къ тайному революціонному обществу «организація» и въ дѣятельности его не принимали участія, но знали достовѣрно изъ разговоровъ съ членами этого общества, что «организація» имѣла цѣлью установить въ Государствѣ противный существующему образъ и порядокъ правленія и не довели о томъ до свѣдѣнія Правительства.

Въ числѣ этихъ лицъ находились: Князь Черкезовъ, дворянинъ Кутыевъ, Провизоръ Лаунгаузъ и слушатель Петровской Академіи Полумордвиновъ.

Бывшій слушатель Петровской Академіи **КНЯЗЬ ВАРЛААМЪ ЧЕРКЕЗОВЪ**, при слѣдствіи призналъ себя, кромѣ этого, виновнымъ и въ томъ, что не донесъ объ извѣстномъ ему публичномъ распространеніи въ устроенной Ишутинымъ школѣ Мусатовскаго ученія, клонящагося къ возбужденію неповиновенія къ Верховной Власти, о которомъ ему разсказывалъ Дмитрій Ивановъ въ Маѣ 1865 г.

При посѣщеніи этой школы, въ которую онъ поступилъ потомъ учителемъ географіи, по собственнымъ его словамъ, онъ замѣтилъ большое безобразіе въ способѣ преподаванія, и хотя имѣлъ намѣреніе предотвратить въ ней распространеніе революціонныхъ идей, но ничего съ этою цѣлью не сдѣлалъ.

Вполнѣ сочувствуя лицамъ съ соціалистическими убѣжденіями, онъ старался знакомиться съ ними и особенно сблизился съ Дмитріемъ Ивановымъ, съ которымъ жилъ потомъ на одной квартирѣ.

Въ Октябрѣ 1865 г. къ нимъ приходилъ Ишутинъ и передалъ Иванову переписать проектъ устава тайнаго революціоннаго общества,—проектъ этотъ читалъ и Черкезовъ и узналъ изъ него, что тайное общество должно было имѣть двѣ главныя конторы; что президенту общества предоставлялось право на жизнь всѣхъ членовъ, а членамъ его вмѣнялось въ

обязанность распространять необходимость уничтоженія Царской власти и всѣхъ вообще властей, крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, для произведенія всеобщей революціи и рѣзни, съ цѣлію водворенія въ Государствѣ порядка управленія на соціальныхъ началахъ.

Передачу подобнаго проекта Ишутинъ при слѣдствіи хотя и отвергалъ, но Дмитрій Ивановъ вполнѣ, подтверждая данное Черкезовымъ показаніе, добавилъ, что переписавъ этотъ проектъ онъ возвратилъ его Ишутину.

Объясненіе Черкезова, что онъ не донесъ объ этомъ Правительству потому, что считалъ Ишутина человѣкомъ ни на что не способнымъ, не можетъ служить ему оправданіемъ въ дѣлѣ, которое могло имѣть весьма гибельныя послѣдствія.

Дворянинъ **НИКОЛАЙ КУТЫЕВЪ**, признавшій себя также предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ виновнымъ въ томъ, что не довелъ до свѣдѣнія Правительства о сообщенномъ ему Странденомъ предположеніи образовать въ Россіи тайное общество, цѣль котораго была бы произвести революцію посредствомъ пропаганды въ обществѣ и народѣ соціальныхъ идей и устройствомъ ассоціацій,—еще въ 1863 году принадлежалъ къ обществу, предполагавшему распространять между студентами соціальныя идеи, бывалъ на сходкахъ этого общества, но за тѣмъ въ Мартѣ 1864 г. уѣхалъ изъ Москвы и только въ Январѣ настоящаго года возвратился.

Около этого времени онъ сошелся съ бывшими своими товарищами и по приглашенію одного изъ нихъ, Страндена, согласился вступить въ общество «взаимнаго вспомоществованія», изъ котораго, по словамъ Страндена, какъ изъ чистилища долженъ былъ быть переходъ въ тайное революціонное общество. Кутыевъ не донесъ объ этомъ Правительству и въ оправданіе свое приводитъ только то, что Странденъ не прямо говорилъ ему о тайномъ революціонномъ обществѣ и конечной цѣли его не разъяснялъ,—но это очевидно не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ освобожденію подсудимаго отъ отвѣтственности за неисполненіе возложенной на него закономъ обязанности донести о семъ Правительству.

Провизоръ **АДОЛЬФЪ ЛАУНГАУЗЪ** также призналъ себя при слѣдствіи виновнымъ въ недоведеніи до свѣдѣнія Правительства о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью произвести революцію.—Объ обществѣ «организація» и о цѣляхъ его, какъ показалъ Николаевъ, онъ сообщилъ Лаунгаузу краткій очеркъ, но за тѣмъ обращался къ нему за ядомъ, прося его, для одного изъ членовъ Московскаго тайнаго общества, который рѣшился отравить своего отца; при чемъ довольно ясно намекнулъ Лаунгаузу, что если онъ дастъ ядъ, то доставитъ тайному обществу возможность получить большія деньги, которыя предполагается обратить для достиженія цѣли этого общества,—именно: чрезъ распространеніе въ народѣ ученія соціалистовъ произвести въ 10 или 15 лѣтъ государственный переворотъ.

Лаунгаузъ отказалъ Николаеву дать ядъ, но повелъ его въ квартиру дворянина Маевскаго, гдѣ у нихъ происходилъ разговоръ о цѣляхъ тайнаго общества.—Съ Маевскимъ Лаунгаузъ находился въ весьма близкихъ, даже дружественныхъ, сношеніяхъ, и нѣкоторое время вмѣстѣ съ нимъ жилъ на одной квартирѣ.

О существованіи тайнаго революціоннаго общества Лаунгаузу было извѣстно также и изъ отвѣта учителя Маркса, которому онъ передалъ въ первый день Пасхи около трехъ грановъ стрихнину. Ядъ этотъ, какъ объяснилъ Марксъ Лаунгаузу,—переданъ былъ одному изъ русскихъ революціонеровъ для отравленія издателя Московскихъ вѣдомостей Каткова.

Наконецъ слушатель Петровской Академіи **АПОЛЛОНЪ ПОЛУМОРДВИНОВЪ**, подтверждая предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ свое первоначальное признаніе въ томъ, что зная о существованіи тайнаго общества «организація», онъ не донесъ о немъ Правительству, объяснилъ, что онъ даже бывалъ на нѣкоторыхъ сходкахъ этого общества, такъ какъ перешелъ въ него въ Февралѣ этого года изъ общества «взаимнаго вспомоществованія», въ которое вступилъ по предложенію Страндена въ началѣ Января 1866 года.

Не раздѣляя крайнихъ революціонныхъ средствъ, къ которымъ хотѣли прибѣгнуть Ипатовцы, не сочувствуя вообще этому направленію и не желая подчиняться предположенному нѣкоторыми изъ членовъ правилу о повиновеніи Ипатовцамъ, на благоразуміе которыхъ онъ не надѣялся, Полумордвиновъ объявилъ, что онъ изъ общества выходитъ и пересталъ посѣщать сходки.

Товарищи подсудимаго Борисовъ, Сергіевскій и Воскресенскій, вполнѣ подтверждая объясненіе Полумордвинова, удостовѣряютъ, что онъ хотя и бывалъ на сходкахъ и слушалъ чтеніе одного изъ проектовъ устава, но не присутствовалъ при обсужденіи его; въ разговорахъ высказывался противъ цѣли общества, и какъ только замѣтилъ, что стремленіе «организаціи» не согласно съ цѣлью общества «взаимнаго вспомоществованія», то прекратилъ съ ними всякія сношенія.

Признавая по этому, что Полумордвиновъ не былъ членомъ общества «организаціи», въ дѣятельности котораго онъ не принималъ никакого участія, я нахожу, что онъ подлежитъ отвѣтственности за недонесеніе Правительству о существованіи общества съ явно-противузаконною, преступною цѣлью.

Учитель **МАКСИМИЛІАНЪ МАРКСЪ** сознался въ томъ, что онъ, по просьбѣ подсудимаго Шаганова, досталъ ядъ отъ Провизора Лаунгауза и передалъ его Шаганову въ 1-й день Пасхи сего года.—Сначала Марксъ показалъ, что Шагановъ, придя къ нему говорилъ о существованіи у нихъ революціоннаго общества, раскинутаго по Волгѣ и просилъ яду для отравле-

нія Каткова. Когда же ему, Марксу, было объявлено, что ядъ данъ былъ не для Каткова, Марксъ объяснилъ, что учитель Трусовъ, излагая ему просьбу Шаганова о стрихнинѣ, сказалъ, что Русскіе хотятъ начать революцію и стрихнинъ имъ для того нуженъ.—Во время производства судебнаго слѣдствія о подсудимомъ Трусовѣ, Марксъ подтвердилъ это послѣднее показаніе.—Такимъ образомъ Марксъ досталъ Шаганову ядъ, зная, что этотъ ядъ назначается для преступныхъ цѣлей тайнаго революціоннаго общества и посему долженъ быть признанъ пособникомъ означеннаго тайнаго революціоннаго общества и притомъ не необходимымъ, такъ какъ обстоятельствами дѣла не обнаружено, чтобы подсудимые, принадлежавшіе къ означенному революціонному обществу, не могли достать яду ни отъ кого другаго, какъ отъ Маркса.

Учитель **БОЛЕСЛАВЪ ТРУСОВЪ** при судебномъ слѣдствіи показалъ, что бывшій его ученикъ подсудимый Шагановъ просилъ его въ этомъ году достать мѣщанскихъ бланковъ и яду. Когда на такую просьбу онъ замѣтилъ Шаганову, что они замышляютъ что-то недоброе, Шагановъ объяснилъ ему, что они хотятъ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго.

Признавая себя виновнымъ въ томъ, что указалъ Шаганову на Маркса, какъ на человѣка, который можетъ достать ядъ, Трусовъ объяснилъ, что о существованіи тайнаго революціоннаго общества не зналъ и что, при передачѣ Марксу просьбы Шаганова о ядѣ, не говорилъ, что Русскіе хотятъ начать революцію и имъ для того нуженъ стрихнинъ.

Къ уличенію Трусова въ пособничествѣ тайному революціонному обществу указаніемъ на Маркса, какъ на человѣка, который могъ достать ядъ, представляется одно показаніе Маркса, подтвержденное имъ передъ судомъ, которое обвиняя самаго Маркса въ тяжкомъ преступленіи, по сему самому представляется вѣроятнымъ. Хотя это показаніе Маркса и имѣетъ вѣроятность, но оно одно, какъ не подтвержденное другими обстоятельствами дѣла, которыя бы исключали всякую возможность сомнѣваться въ виновности подсудимаго, не можетъ, по мнѣнію моему, служить основаніемъ къ признанію Трусова изобличеннымъ въ столь тяжкомъ преступленіи.—Но Трусовъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ виновнымъ въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства.—Трусовъ, при предварительномъ слѣдствіи, по имѣвшимся противъ него уликамъ, положительно признался въ томъ, что онъ зналъ о принадлежности Шаганова къ тайному обществу, которое имѣло цѣлью произвести общественный въ Государствѣ переворотъ, и это обстоятельство подтверждается столь близкими отношеніями Шаганова къ Трусову, что Шагановъ рѣшился просить у него достать яду; при чемъ объяснилъ ему, что ядъ этотъ имъ необходимъ для освобожденія государственнаго преступника Чернышевскаго. Посему отреченіе его во время производства судебнаго слѣдствія отъ признанія, учиненнаго при предварительномъ

слѣдствіи и объясненіе, что онъ зналъ о принадлежности Шаганова къ обществу, имѣвшему цѣлью лишь вспомоществованіе бѣднымъ студентамъ, распространеніе грамотности и улучшеніе быта рабочихъ,—не заслуживаетъ уваженія.

Сынъ чиновника **БОЛЕСЛАВЪ ШОСТАКОВИЧЪ**, по собственному признанію, какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіяхъ и по обстоятельствамъ дѣла оказывается виновнымъ въ укрывательствѣ осужденнаго въ каторжныя работы Государственнаго преступника Ярослава Домбровскаго и составленіи для него подложныхъ видовъ.

Бывшій учитель Бронницкаго Уѣзднаго Училища **НИКОЛАЙ ПЕТЕРСОНЪ**, также по собственному его признанію, какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіяхъ и по обстоятельствамъ дѣла, оказывается виновнымъ въ недонесеніи объ укрывательствѣ Юрасовымъ и другими Государственнаго преступника Домбровскаго, осужденнаго въ каторжныя работы.

Обстоятельства, относящіяся до этихъ двухъ подсудимыхъ, столь ясны, что не требуютъ болѣе подробнаго развитія.

Проживавшій въ Москвѣ съ 1856 года дворянинъ **ПАВЕЛЪ МАЕВСКІЙ** какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіяхъ, не отрицалъ лишь одного упадающаго на него обвиненія, а именно имѣнія сочиненій возмутительнаго содержанія; это обвиненіе и отрицать было невозможно потому, что означенныя сочиненія у него найдены полиціею, что удостовѣрено актомъ, въ установленномъ порядкѣ составленнымъ.—Но не смотря на совершенное отрицательство виновности въ другихъ преступленіяхъ, въ которыхъ Маевскій обвиняется, онъ, по мнѣнію моему, положительно изобличается, какъ въ укрывательствѣ и снабженіи деньгами и фальшивыми паспортами Польскихъ политическихъ преступниковъ, Домбровскаго, Ковалевскаго, Оржеховскаго, Верницкаго, Ольтаржевскаго и др., такъ и въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства.

Бѣжавшій изъ полка рядовой изъ дворянъ Титъ Ольтаржевскій, всякое знакомство съ коимъ отрицаетъ Маевскій, какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіи, показалъ, что онъ Маевскаго зналъ, что Маевскій былъ у него въ Москвѣ въ арестантскомъ отдѣленіи госпиталя и приносилъ деньги,—что онъ, Ольтаржевскій, былъ послѣ сего у Маевскаго на квартирѣ и что Маевскій давалъ ему деньги разъ 7 р., а другой разъ 15 р. на проѣздъ въ Петербургъ.

Подсудимый Юрасовъ положительно объяснилъ, что съ Маевскимъ его познакомилъ Государственный преступникъ Домбровскій и что они съ Домбровскимъ были у Маевскаго на квартирѣ; хотя же Маевскій объясняетъ, что онъ съ Юрасовымъ познакомился чрезъ Шостаковича, и

хотя Шостаковичъ подтвердилъ это объясненіе при судебномъ слѣдствіи, но оба эти объясненія не заслуживаютъ никакого уваженія потому, что Маевскій, давая подобное показаніе, желаетъ лишь скрыть свои отношенія къ Домбровскому, а Шостаковичъ при предварительномъ слѣдствіи показалъ, что сколько помнитъ не знакомилъ Юрасова съ Маевскимъ; Юрасовъ же на очной ставкѣ при предварительномъ слѣдствіи удостовѣрилъ, что съ Маевскимъ его познакомилъ Домбровскій, а не Шостаковичъ.

Подсудимые Марксъ, Лаунгаузъ и Трусовъ показали, что имъ извѣстно было объ укрывательствѣ Маевскимъ и снабженіи деньгами и фальшивыми паспортами Польскихъ политическихъ преступниковъ, а содержащійся въ крѣпости дворянинъ Барановскій объяснилъ, что онъ видѣлъ бѣглаго преступника Оржеховскаго въ комнатѣ у Маевскаго. Независимо отъ сего Марксъ показалъ, что онъ отвозилъ письмо Маевскаго въ Петербургъ къ офицеру Лѣснаго Корпуса Мокржицкому, который, давъ ему фальшивые паспорты, сказалъ: вотъ отвѣтъ Маевскому; но онъ, Марксъ, возвращаясь въ Москву, ихъ уничтожилъ отъ испуга. (*)

Далѣе Провизоръ Лаунгаузъ во всей подробности показалъ, какимъ образомъ онъ познакомилъ подсудимаго Николаева съ Маевскимъ и что Николаевъ при немъ говорилъ Маевскому, что они черезъ 10 лѣтъ хотятъ сдѣлать революцію.

Николаевъ, подтверждая показаніе Лаунгауза о томъ, что онъ дѣйствительно знакомъ съ Маевскимъ, объяснилъ, что онъ познакомился съ нимъ вслѣдствіе того, что, по удостовѣренію Шаганова, Маевскій могъ быть полезенъ для »организаціи« и что онъ говорилъ съ Маевскимъ объ »организаціи«, объясняя, что цѣль организаціи пропаганда.— Но Маевскій, не смотря на такія положительныя показанія Лаунгауза и Николаева о томъ, что изъ нихъ послѣдній былъ съ нимъ знакомъ, отвергаетъ всякое знакомство съ Николаевымъ и отвергаетъ очевидно потому, что ему было извѣстно о принадлежности Николаева къ тайному революціонному обществу.

Дворянинъ **ВИКТОРЪ ѲЕДОСЪЕВЪ** признался въ томъ, что, возъимѣвъ намѣреніе отравить своего отца съ цѣлью передать существовавшему въ Москвѣ обществу наслѣдство, которое онъ получитъ послѣ смерти отца, досталъ рецептъ отъ подсудимаго Николаева и съ полученнымъ по этому рецепту ядомъ хотѣлъ сначала ѣхать въ Тамбовъ къ отцу, но потомъ раздумалъ и поѣхалъ къ брату въ Кирсановъ.— Здѣсь онъ открылъ брату свое намѣреніе и, послѣ его увѣщанія, оставилъ оное и никогда, какъ утверждаетъ, не привелъ бы его въ исполненіе.

(*) Мокржицкій заочнымъ приговоромъ военнаго суда присужденъ къ каторжной работѣ.

При разсмотрѣніи преступленія Ѳедосѣева надлежитъ обратить главнѣйшимъ образомъ вниманіе на то, какія причины удержали его отъ приведенія преступнаго намѣренія въ исполненіе? Было ли тому причиною собственное его побужденіе и раскаяніе, или арестъ по распоряженію Правительства.

Братъ подсудимаго Павелъ Ѳедосѣевъ передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ показалъ, что когда братъ объявилъ ему о своемъ ужасномъ намѣреніи, онъ,—пораженный полученнымъ извѣстіемъ, схватилъ пузырьки съ ядомъ, на которые ему указалъ братъ и ушелъ въ корридоръ, гдѣ встрѣтилъ исправника, шедшаго удостовѣриться въ личности Виктора Ѳедосѣева. Онъ, Павелъ Ѳедосѣевъ, дѣлалъ брату увѣщанія, но братъ на его слова ничего не отвѣчалъ, да ему и нѣкогда было отвѣчать потому, что онъ, Павелъ Ѳедосѣевъ, схвативъ пузырьки, ушелъ въ корридоръ, гдѣ встрѣтилъ исправника.

Такимъ образомъ Викторъ Ѳедосѣевъ былъ задержанъ Полиціею въ то время, когда ничѣмъ еще не выразилось его побужденіе оставить свое преступное намѣреніе безъ исполненія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Викторъ Ѳедосѣевъ, не будучи арестованъ Полиціею, вслѣдствіе сомнѣнія въ его личности, привелъ бы свое намѣреніе въ исполненіе? На этотъ вопросъ подсудимый Ѳедосѣевъ долженъ дать отвѣтъ передъ Судомъ Божіимъ и своей совѣстью, но судъ человѣческій долженъ признать, что обстоятельствами дѣла не доказано, чтобы подсудимый былъ удержанъ отъ приведенія своего намѣренія въ исполненіе, лишь независѣвшими отъ него обстоятельствами, ибо Ѳедосѣевъ былъ арестованъ по поводу возникшаго сомнѣнія о его личности, а не для предупрежденія преднамѣреннаго имъ преступленія, о которомъ арестовавшимъ его лицамъ прежде и извѣстно не было.

Обращаясь къ опредѣленію наказанія, слѣдующаго виновнымъ по закону, я не могу не сказать, что хотя преступные замыслы стоящихъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ подсудимыхъ Худякова, Ишутина, Страндена, Ермолова, Загибалова, Юрасова, Николаева и Шаганова и были столь обширны, что должны были объять собою все пространство нашего Отечества,— но личныя качества ихъ и общественное положеніе таковы, что планы ихъ,—какъ бы ни казались имъ глубоко обдуманными и основательно соображенными, не могли бы поколебать коренныхъ основъ существующаго государственнаго строя Россіи. Тѣмъ не менѣе преступленіе ихъ огромно,—огромно потому, что въ средѣ ихъ образовался Каракозовъ, покусившійся на такое дѣяніе, гибельныя послѣдствія котораго для Россіи могли быть неисчислимы, огромно по числу привлеченныхъ ими къ ихъ замысламъ молодыхъ людей, сдѣлавшихся жертвами ихъ преступной пропаганды.—На совѣсти ихъ, должны остаться слезы несчастныхъ семействъ тѣхъ товарищей ихъ, которыхъ они совратили съ истиннаго пути.

По всѣмъ приведеннымъ мною основаніямъ, я нахожу, что подсудимые виновны:

Домашній Учитель Иванъ Худяковъ— въ способствованіи Каракозову исполнить злоумышленіе на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и въ подговорѣ Ишутина къ учрежденію въ Москвѣ тайнаго общества съ цѣлью цареубійства.

Потомственный почетный гражданинъ Николай Ишутинъ—въ знаніи и недонесеніи Правительству о злоумышленіи Каракозова на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ учрежденію въ Москвѣ тайнаго общества съ цѣлью цареубійства.

Дворяне Петръ Ермоловъ, Николай Странденъ и Дмитрій Юрасовъ—въ знаніи и недонесеніи о злоумышленіи Каракозова на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и въ участіи въ преступныхъ разговорахъ ихъ товарищей о пользѣ и необходимости цареубійства.

Дворянинъ Максимиліанъ Загибаловъ, вольноотпущенный дворовый человѣкъ Осипъ Мотковъ, отставной Губернскій Секретарь Вячеславъ Шагановъ и кандидатъ Московскаго Университета Петръ Николаевъ—въ участіи въ преступныхъ разговорахъ о пользѣ и необходимости цареубійства.

Чиновникъ X класса Орестъ Малининъ, студентъ Московскаго Университета Дмитрій Ивановъ, слушатель Петровской Академіи, сынъ священника Федоръ Лапкинъ и дворянинъ Александръ Ивановъ—въ принадлежности къ тайному обществу, имѣвшему цѣль, противную установленнымъ законами образу и порядку правленія, съ полнымъ знаніемъ о преступной цѣли этого общества.

Дворянинъ Константинъ Кичинъ, слушатели Петровской Академіи: сынъ причетника Василій Соболевъ, Алексѣй Сергіевскій, изъ государственныхъ крестьянъ Ѳеофанъ Борисовъ и сынъ дьячка Дмитрій Воскресенскій въ принадлежности къ тайному обществу, имѣвшему противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль, безъ полнаго знанія истинной цѣли этого общества.

Князь Варлаамъ Черкезовъ, дворянинъ Николай Кутыевъ, Провизоръ Адольфъ Лаунгаузъ, слушатель Петровской Академіи Аполлонъ Полумордвиновъ и Коллежскій Совѣтникъ Болеславъ Трусовъ—въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства.

Учитель Максимиліанъ Марксъ— въ доставленіи средствъ, а именно яда, тайному обществу, имѣвшему противную установленнымъ законами

образу и порядку правленія цѣль и въ недонесеніи объ укрывательствѣ Маевскимъ Польскихъ политическихъ преступниковъ.

Сынъ чиновника Болеславъ Шостаковичъ—въ укрывательствѣ осужденнаго въ каторжныя работы государственнаго преступника Домбровскаго и составленіи для него подложныхъ видовъ.

Бывшій учитель Бронницкаго Уѣзднаго Училища Николай Петерсонъ—въ недонесеніи объ укрывательствѣ осужденнаго въ каторжныя работы государственнаго преступника Домбровскаго.

Дворянинъ Павелъ Маевскій—въ укрывательствѣ и снабженіи для побѣговъ фальшивыми паспортами и деньгами Польскихъ политическихъ преступниковъ Домбровскаго, Ковалевскаго, Оржеховскаго, Верницкаго, Ольтаржевскаго и друг.,—въ недоведеніи до свѣдѣнія Правительства о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, имѣвшаго противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль и въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія.

И наконецъ дворянинъ Викторъ Ѳедосѣевъ—въ пріобрѣтеніи яда для приведенія въ исполненіе своего намѣренія отравить отца.

Преступленія подсудимыхъ: Худякова, Ишутина, Ермолова, Страндена, Юрасова, Загибалова, Моткова, Николаева и Шаганова предусмотрѣны въ 241, 242 и 243-й статьяхъ Уложенія о наказаніяхъ.

По силѣ этихъ законовъ—не только всякое преступное дѣйствіе противъ жизни **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, но и всякое злоумышленіе, всякій умыселъ учинить Священной Особѣ ЕГО какое либо насиліе, почитается дѣйствительнымъ преступленіемъ, какъ въ случаѣ, когда виновнымъ сдѣлано уже покушеніе для приведенія своихъ преступныхъ намѣреній въ исполненіе, такъ и тогда, когда онъ только выразилъ свой умыселъ чрезъ предложеніе другому принять въ немъ участіе или даже чрезъ словесное изъявленіе своихъ о томъ мыслей и предположеній—и всѣ участвовавшіе въ такомъ злоумышленіи въ видѣ сообщниковъ, пособниковъ, подговорщиковъ, подстрекателей, или попустителей, а равно и укрыватели и тѣ, которые не донесли о злоумышленіи или злоумышленникахъ,—подвергаются одинаковому, опредѣленному въ 241 ст. Уложенія наказанію.

Въ слѣдствіе сего домашній учитель Худяковъ, потомственный почетный гражданинъ Ишутинъ, дворяне Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Загибаловъ, вольноотпущенный дворовый человѣкъ Мотковъ, Губернскій Секретарь Шагановъ и кандидатъ Николаевъ, подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

Преступленіе Малинина, Дмитрія Иванова, Лапкина и Александра Иванова предусмотрѣно въ 318 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ, и—какъ злоумышленіе ихъ открыто Правительствомъ заблаговременно и никакихъ покушеній въ слѣдствіе ихъ умысла, ни вредныхъ послѣдствій не

произошло,—то они должны быть приговорены къ одному изъ наказаній, опредѣленныхъ въ 250 статьѣ.—Имѣя въ виду, что они не были главными дѣятелями, я полагалъ бы назначить слабѣйшее наказаніе, т. е. наказаніе по 4 степени 19 статьи, и въ низшей онаго мѣрѣ, съ уменьшеніемъ сего наказанія Дмитрію Иванову,—во вниманіе къ чистосердечному его сознанію, на основаніи 135 статьи, двумя степенями и съ сокращеніемъ, на основаніи 139 статьи ему же, Иванову, и Лапкину, какъ несовершеннолѣтнимъ, слѣдующаго имъ срока каторжной работы одною третью,—именно чиновника X класса Ореста Малинина и дворянина Александра Иванова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ,—сына священника Ѳедора Лапкина лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ и студента Дмитрія Иванова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года.

За преступленія Кичина, Соболева, Сергіевскаго, Борисова и Воскресенскаго въ законѣ нѣтъ особаго опредѣленнаго наказанія,—ибо въ приведенной мною 318 статьѣ назначено наказаніе лишь членамъ тайнаго общества, имѣвшимъ полное свѣдѣніе объ его цѣли,—въ чемъ они по произведенному слѣдствію не изобличаются.

Въ подобномъ случаѣ, согласно 151 статьѣ Уложенія, слѣдуетъ приговаривать виновныхъ къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія по важности и роду своему наиболѣе сходныя съ подлежащимъ разсмотрѣнію преступленіемъ.

По силѣ 319 статьи Уложенія, въ которой говорится о тайныхъ обществахъ, не имѣющихъ означеннаго въ 318 статьѣ явно преступнаго направленія противъ спокойствія и цѣлости государства,—члены общества, не имѣвшіе точнаго свѣдѣнія объ истинной его цѣли,—приговариваются къ наказанію, опредѣляемому виновнымъ въ знаніи о существованіи общества и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства.

Признавая, согласно точному смыслу приведенной 319 статьи, что члены тайнаго общества, предусмотрѣннаго и въ 318 статьѣ, не знавшіе объ истинной его цѣли, должны подлежать одинаковому наказанію съ тѣми, которые знали о существованіи такого общества и не донесли Правительству, и что, посему, Кичинъ, Соболевъ, Борисовъ, Сергіевскій и Воскресенскій подлежатъ наказанію по 1 степени 20 статьи, съ уменьшеніемъ сего наказанія двумя степенями, согласно 135 статьѣ, во вниманіе къ ихъ чистосердечному сознанію и раскаянію, съ измѣненіемъ этого наказанія для несовершеннолѣтняго Сергіевскаго, согласно съ 2 пунктомъ 140 статьи,—я полагалъ бы: дворянина Константина Кичина и слушателей Петровской Академіи Василія Соболева, Ѳеофана Борисова и Дмитрія Воскресенскаго—лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, которое будетъ назначено для ихъ жительства въ продолженіи трехъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія

губерніи и области Сибири въ теченіи десяти лѣтъ,—а слушателя Петровской Академіи Алексѣя Сергіевскаго, безъ лишенія особенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою.

Преступленіе Князя Черкезова, Кутыева, Лаунгауза, Полумордвинова и Трусова предусмотрѣно въ 318 ст. Уложенія о наказаніяхъ. Въ виду чистосердечнаго сознанія и раскаянія въ сдѣланномъ ими преступленіи (Трусова впрочемъ только въ Слѣдственной Коммисіи), я полагалъ бы возможнымъ, согласно 135 статьѣ, уменьшить имъ наказаніе двумя степенями и Князю Черкезову, какъ несовершеннолѣтнему, измѣнить наказаніе, согласно 140 статьѣ,—именно дворянина Николая Кутыева, Провизора Лаунгауза, слушателя Петровской Академіи Апполона Полумордвинова и Коллежскаго Совѣтника Болеслава Трусова—лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, которое будетъ назначено для ихъ жительства въ продолженіи трехъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи 10 лѣтъ, а Князя Варлаама Черкезова, безъ лишенія особенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою.

Преступленіе учителя Максимиліана Маркса предусмотрѣно въ 318, 250, 13, 121, 126 и 152 ст. Улож. о нак.

Принимая во вниманіе откровенныя показанія Маркса, какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіяхъ, я полагалъ бы возможнымъ примѣнить къ нему менѣе тяжкое наказаніе изъ опредѣленныхъ въ 318, 250 и 121 ст. Улож. о нак. и за симъ, уменьшивъ наказаніе двумя степенями, на основаніи 135 ст. подвергнуть его лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на четыре года.

Преступленія Шостаковича предусмотрѣны 316, 975 и 152 ст. Улож. о нак.

Имѣя въ виду, что Домбровскій, весьма важный государственный преступникъ, что подсудимый Шостаковичъ не только укрывалъ его, но и составлялъ для него подложные виды,—но съ другой стороны, обращая должное вниманіе на откровенное признаніе Шостаковича, я полагалъ бы примѣнить къ нему среднее по тяжести изъ наказаній, опредѣленныхъ въ 316 ст. Улож. о нак., а именно лишить его всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ, на основаніи § II приложенія къ 70 ст. Улож. о нак. всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства въ теченіи двухъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіи шести лѣтъ.

Подсудимый Николай Петерсонъ за недонесеніе объ укрывательствѣ государственнаго преступника Домбровскаго подлежитъ наказанію по 126 ст. Улож. о нак.

Имѣя въ виду, что Домбровскій, важный государственный преступникъ, я полагалъ бы примѣнить къ преступленію подсудимаго высшее изъ наказаній, опредѣленныхъ въ приведенной статьѣ, назначивъ оное въ мѣрѣ близкой къ низшей, во вниманіе къ чистосердечному признанію подсудимаго,—а именно выдержать его въ крѣпости четыре мѣсяца.

Преступленія дворянина Павла Маевскаго предусмотрѣны 316, 975, 318, 251 и 152 статьями Улож. о нак. На основаніи сихъ статей закона онъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Наконецъ дворянинъ Викторъ Ѳедосѣевъ, за пріобрѣтеніе яда для приведенія въ исполненіе своего намѣренія отравить отца, по отсутствію доказательствъ въ томъ, что это намѣреніе оставлено имъ безъ исполненія лишь по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, подлежитъ наказанію по 1-й части 1457 ст. Улож. о наказ.

Принимая во вниманіе важность преступленія, для совершенія коего Ѳедосѣевъ приготовлялъ средства, я полагалъ бы подвергнуть его наказанію по 1 части 1457 ст. Улож. о нак. въ высшей мѣрѣ, а именно: заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца.

Преступленія, въ коихъ были обвинены Мировой Посредникъ Алексѣй Бибиковъ, Секретарь Козельской Уѣздной Управы Леонидъ Оболенскій, дѣйствительный студентъ Александръ Маликовъ, мѣщанинъ г. Юхнова Ѳедоръ Никифоровъ и студентъ Александръ Никольскій, при произведенномъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ слѣдствіи, остались недоказанными и сдѣланные на нихъ оговоры, на основаніи которыхъ они преданы были суду, не подтвердились, а нѣкоторые изъ свидѣтелей измѣнили въ пользу подсудимыхъ тѣ показанія, которыя даны были противъ нихъ въ Слѣдственныхъ Коммисіяхъ.

Посему, на основаніи 740 ст. Уст. угол. судопр., я не поддерживаю обвинительныхъ актовъ объ упомянутыхъ лицахъ и заявляю о томъ Верховному Уголовному Суду по совѣсти.

Что же касается до слушателя Петровской Академіи Александра Вознесенскаго,—то Юрасовъ, по оговору котораго онъ былъ обвиненъ,—объявилъ Верховному Уголовному Суду, что онъ въ своемъ показаніи Слѣдственной Коммисіи назвалъ Вознесенскаго вмѣсто Воскресенскаго и нѣсколько свидѣтелей удостовѣрили, что Вознесенскій дѣйствительно не принадлежалъ къ «организаціи».

Посему я имѣю честь предложить Верховному Уголовному Суду на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. судопр. постановить приговоръ объ его оправданіи.

При постановленіи приговора о тѣхъ изъ подсудимыхъ, коимъ по закону слѣдуетъ смертная казнь, не благоугодно-ли будетъ Верховному Уголовному Суду, на основаніи 18 ст. Улож. о наказ., опредѣлить и самый видъ этой казни.
